

Медиум

Автор:

[Александр Варго](#)

Медиум

Александр Варго

MYST. Черная книга 18+

Август 1945 года. Маленький городок послевоенной Германии. Здесь, в мрачном замке, живет выживший из ума барон фон Ледендорф, возомнивший себя дьяволом. К нему тайно приходят четверо молодых офицеров, с которыми барон заключает сделку: он обещает им долгую жизнь и успешную карьеру в обмен на их души. Через шестьдесят лет офицеры должны будут отдать все, что у них есть, включая собственные жизни и жизни близких родственников... И вот минуло шестьдесят лет. При странных обстоятельствах гибнет известный художник Белоярский, затем – именитый режиссер Урбанович, следом – композитор Басардин. Это те самые офицеры, продавшие свои души. В Тайну загадочных преступлений погружается бывший работник милиции Вадим Городецкий, который после тяжелой травмы головы вдруг обретает экстрасенсорные способности. Нужно во что бы то ни стало найти четвертого офицера, чтобы спасти ему жизнь, если, конечно, еще не поздно...

Александр Варго

Медиум

«На свете есть

Две вещи высшие: любовь и смерть».

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Сознание держится на тонкой ниточке. Пусть так – минуту назад вообще не было никаких мыслей. Тянувшая боль в левом мизинце, горло першит, в ушах – звенящая пустота, кожу жжет, такое ощущение, будто в голову вбили винные пробки. Голос доносился откуда-то изнутри, из пострадавшего мозга:

– Профессор, не могу поверить, это чудо! Убедитесь сами – он живой. Чертовщина какая-то... Молчали девятнадцать каналов энцефалографа, ни всплесков, ни кривых. Самописцы рисовали пустое место. Мозг был мертв, Леонид Захарович, уж можете мне поверить. Собирались отключить аппаратуру, Оленька всегда так делает в подобных случаях...

В голосе молодого хирурга слышались возмущенные нотки. Возвращение больного в мир эмоций, красок, образов здесь, похоже, не приветствовалось. Ресницы пациента задрожали. Голубые глаза открылись, и взгляд устремился к серому кафельному потолку. Над больным склонились двое.

– Любопытно, Саша, любопытно... Триумфальное возвращение, так сказать. Как говорится в молодежной среде, слов нет, одни вау. Он ударился головой?

– Еще как, Леонид Захарович. Увернулся от пуль, погнался за перцем, который его подкарауливал, как-то глупо оступился, упал и... затылком об асфальт.

– Неплохо, Саша, неплохо... – пожилой коллега думал о своем. Грушевидная голова мерно покачивалась. – В отличие от Эсхила, нашему клиенту страшно повезло.

– А что у нас с Эсхилом, Леонид Захарович?

– Драматург такой был греческий. Погиб, когда орел уронил на него живую черепаху. Принял лысую голову Эсхила за камень и хотел расколоть об нее панцирь... Любопытный случай, не скрою, коллега, удивительное, как говорится,

рядом. Но скажу тебе откровенно, юный друг, знавала медицина прецеденты и поярче. Даже в нашей больнице. Вспомни электрика Беломатова, что свалился с двенадцатого этажа строящегося здания. Его уже выписали, нет? А картинки на твоём энцефалографе... ты знаешь, есть у меня старинный приятель – бывший, кстати, участковый терапевт и прекрасный мануалист с обширной частной практикой – так этот парень умеет играючи отключать сознание. Просто переводит его на ноль – и всё. Глаза открыты, лицо вменяемое. А самого – нет. Летаёт в космосе, ума набирается у вселенского разума, временами даже будущее видеть был способен. Но что-то я загнул, Саша.

– Загнули, Леонид Захарович, – согласился молодой доктор, – уж наш пациент наверняка не отключал сознание. Просто ему дико повезло.

«Повезло, – лениво ворочал извилинами „триумфально“ вернувшийся, – осталось склеить разбитую вазу и начать верить в Господа Бога нашего». Дрогнули уголки губ – в мыслях полная неразбериха, память – грандиозное месиво, но почему-то всплыл в ней любопытный факт, как один чудаковатый американец, повздорив с супругой, принялся лупить себе в голову из гвоздезабивочного пистолета. Двенадцать гвоздей извлекли хирурги из черепа – ни один не повредил мозг. Да и был ли там мозг?

– Посмотрим его историю болезни... – бормотало заслуженное светило медицины большого сибирского города. – Что за везунчик у нас тут объявился... Гордецкий Вадим Сергеевич, родился седьмого января 73-го года... Что за неучи, право слово. «Родился» – изобретение советской власти, насилие над русским языком. Следует писать – «рожден такого-то числа такого-то года». Тэ-кс... Семейное положение... («Герой-любовник», – уныло подумал пациент, – в порочащих связях замечен дважды), проживает в нашем городе, временно неработающий, уволен из аналитического отдела службы безопасности торгового дома «Радуга», с 2004-го по 2005 год преподавал психологию на факультете общественных наук гуманитарного университета. Не главарь ОПГ, уже хорошо, а то зачастили что-то... – дальше было долгое молчание, потом хирург отбросил карту. – Хорошо, Саша, скрупулезно обследуй это комнатное растение и постарайся, чтобы оно не загнулось. Будем надеяться, подозрения на гематому не подтвердятся... Ты все еще удивлен, Саша?

– Любопытная дата рождения, не находите, Леонид Захарович?

– Седьмое января? Ты думаешь, она что-то значит? – профессор с трудом сдерживал хохот.

«Ничего не значит, – подумал больной. – Мне по духу ближе конфуцианство».

– Да нет, Леонид Захарович, просто любопытно, – молодой доктор, казалось, смутился.

– Исключительно русское словосочетание – «Да нет», – съерничал профессор. – Продолжайте, коллега, у вас неплохо получается. Поместите вашего божественного пациента в отдельную палату на четвертом этаже. Постоянный контроль и ухаживать, как за собственной мамой. А далее посмотрим, что ему уготовано в жизни – гениальность или легкий дебилизм...

Свет погас, театр опустел. Больной начал судорожно выкарабкиваться из зыбучих песков, в которые превращалась в его сознании больничная каталка.

Он медленно возвращался в нормальное состояние. Пришла болезненная чувствительность. Он не помнил, как его перевозили в отдельную палату на четвертом этаже, провалился в огнедышащую бездну, жарился, румянился по бокам. Очнулся в темноте и вновь поплыл по адскому кругу. Образы носились в голове, сменяя друг друга. Скрипела подъездная дверь, визжала женщина, из темноты вываливалось чудовище, сверкая фосфорными клыками... Дверь в аналитический отдел службы безопасности гигантского торгового дома, с табличкой, остроумно извещающей: «Использовать только для входа и выхода!», вечно зевающий Роман Переведенцев; серый от недосыпа босс Григорий Ильич, перманентно недовольный сотрудниками и сетующий на ленивое человечество – мусульмане, дескать, отдыхают в пятницу, иудеи в субботу, христиане в воскресенье, пьющие в понедельник, буддисты медитируют постоянно, а РАБОТАТЬ кто будет?.. Потом извне, из упрятанных за кадром форсунок, заструились завитки белого тумана, поползли, образуя вихрящуюся дымку. Туман клубился – и вдруг развеялся. Появилась металлическая решетка с дверцей – когда-то крашенная, нынче облезлая и некрасивая. Рваный линолеум на полу, за решеткой коридорная система, двери, кургузые плафоны. Целый пласт сохлой штукатурки и желтая от старости рукописная стенгазета почти отвалились от стены и зависли над скамейкой. Под штукатуркой что-то сверкнуло – вспыхнуло, посыпались голубые брызги. Из ничего образовалось пламя – жадное, необузданное и кинулось вылизывать стену. Занялась газета, свернулась, огненный ком обрушился на скамейку. Решетку и проход уже

заволакивало густым дымом... И словно нажали кнопку на пульте дистанционного управления – резкая смена образа. Пошел обратный отсчет – Григорий Ильич, тихо поминающий озверевшее от безделья человечество; подъезд, пропитанный смрадом вешних канализационных вод, хрустящий пластик под ногами, очень своевременная мысль, что в так называемых приличных домах проживают такие же свиньи, как и везде, только уборщикам платят больше...

Очнулся Вадим Сергеевич Гордецкий не в Америке, неведомо в какой больнице, а утром и у себя на родине. Просторная палата отливала какой-то ненормальной, нерусской чистотой. Вяленая мимоза на подоконнике, капельница (слава Богу, неработающая), приличная кровать, способная при нужде вместить не только Вадима, но и медсестру с длинными ногами, которая в данный момент возилась со своими баночками, стоя к нему спиной. Усмирив эротическое видение и придя к мысли, что в ногах имеется-таки правда, Вадим пошевелил конечностями и предпринял попытку подняться. Ниже шеи не болело. За окном на березе переливались глянцем крохотные листочки. Месяц май в этом году выдался неприлично холодным (уместнее сказать, морозным), природа совершенно не хотела просыпаться.

– Стоп, стоп, – медсестра среагировала на скрип пружин. Звякнули баночки. – Что за леопард приготовился к прыжку? Свалитесь с кровати, больной, умрете, а меня потом из-за вас уволят... – она повернулась, показав вздернутый носик, заправленные под шапочку золотистые кудряшки, и принялась весело отчитывать больного. «А ведь не только в ногах есть правда, – продолжал ученые наблюдения Вадим. – Вполне достойный видеоряд».

– Во-первых, здравствуйте, – улыбнулся он, превозмогая канонаду внутри черепа. На всякий случай прекратил попытки встать и стал ожидать ответа симпатичной медсестры.

– И вам не болеть, – прыснула девушка, подошла к нему, вытянула из-под спины подушку и прислонила к изголовью. Стало легче.

– Вот так, больной, и не вздумайте шевелиться. Сейчас сообразим укольчик, а потом полный покой, пока не придет доктор и не скажет что-нибудь доброе. Сожалею, но вам придется во всем меня слушаться.

– Строго тут у вас, – Вадим лихорадочно соображал, в какое место она собирается вонзить иглу. Судя по загадочной улыбке, с которой девушка подвезла тележку и выбрала самый здоровый из шприцов, это было не плечо.

– Повернитесь, пожалуйста. И не кряхтите, как участник всех войн, больно не будет. Только первые десять минут, обещаю...

– Да ладно вам, – смутился Вадим, принимая требуемую позу. – Что естественно, как говорится, то не без маразма... – вытерпел унижительную процедуру, натянул пижамные штаны и вернулся на исходную позицию.

– Вам стало лучше, правда? – улыбнулась медсестра.

– Правда, – буркнул он. – Но лучше бы стало хорошо. Впрочем, если бы не болело, я бы, скорее всего, умер... У вас имя есть, девушка?

– Только для вас, – засмеялась медсестра. – Называйте меня Елизаветой Павловной. Лучше шепотом и с придыханием. С удовольствием бы с вами поболтала, Вадим Сергеевич, но вы не единственный пациент в этой больнице – вынуждена бежать. Надеюсь, вы будете вести себя благоразумно? Если что, нажмите вот эту кнопку.

– Я попробую, – пообещал Вадим. – Заходите, если будете в наших краях, Лизавета Павловна.

– Всего хорошего, – позвякивая тележкой, она отправилась по неотложным делам.

– А что за запах? – спросил он.

Она остановилась, удивленно сомкнув стрелочки бровей.

– Вы чувствуете?

– Не жалуясь на нюх, – немного и покривил душой Вадим. Будучи заядлым курильщиком, он плохо дружил с запахами, но сегодня уловил, как из коридора потягивает горелым.

– Ничего страшного, – смутилась Елизавета. – Просто в два часа ночи замкнуло проводку в западном крыле здания. Крыло пустует, там ни мебели, ни оборудования, расчищено под ремонт – давно пора, с такой-то обветшалостью... Дежурная сестра вызвала пожарных, потушили быстро и поэтому решили больных клиники не эвакуировать. Огонь не распространился, там решетчатые перегородки везде, обошлось, знаете ли... Вы как-то изменились в лице, Вадим Сергеевич.

– Так заметно? – пожал плечами Вадим. – Представил неприятную картину. Решетка, говорите, Елизавета Павловна? – в горле образовалось что-то шершавое – дикое ощущение, что проглотил кляп из наждачной бумаги.

– Решетка, – она внимательно посмотрела ему в глаза. – А что вас так беспокоило? В крыле работало стоматологическое отделение, но ему выделили новое здание на Серпуховской, а пустующие помещения после ремонта собирались сдать в аренду фирме «Медсиб».

– Я, кажется, лечил там однажды зубы, – с трудом выговорил Вадим. – Линолеум на полу еще в такой крупный горошек...

– Странный вы какой-то, – хмыкнула медсестра. – Ну, в горошек. Лечили зубы при царе Горохе и запомнили рисунок линолеума.

«Никому ни о чем не скажу, – уныло думал Вадим. – О чем тут говорить? Чепуха, совпадение...»

Мысли бегали по кругу, и обуздать всю эту круговерть мог бы только опытный наездник. А тут еще привязалась старая уголовная песня «Цыганка с картами, дорога дальняя» – на мотив «Ромашки спрятались, поникли лютики». Поняв, что быть прикованным к постели – не его кредо, Вадим спустился на пол, переждал, пока уймется карусель в голове. Прогулялся до окна, полюбовался на внутренний двор больницы, где несчастные в пижамах под присмотром старших товарищей белили тополя и бордюры. Добрел до санузла, где имелся душ, «поддержанный», но прочный унитаз и целых три рулона колючей туалетной бумаги. Пугающее изобилие. Ученые давно подсчитали, что семья из трех человек за год спускает в унитаз целое дерево...

Из зеркала таращился бледный, как больничный кафель, субъект чуть выше среднего роста, немного стройнее среднестатистического мужчины. На голове ковыль, взметенный ураганом, на лбу шишка с добрую картофелину, к которой страшно прикоснуться. Глаза водянисто-голубые, с безуминкой. Он помнил основные вехи своей биографии. Никакой амнезии, никакого переселения душ. Гордецкий Вадим Сергеевич, пока не разведен, бездетный. Год в милиции после армии (постиг, что чем крупнее город, тем мельче в нем менты), заочный пединститут, учитель литературы, преподаватель психологии, безденежье, курсы, аналитик в торговом доме «Радуга», зарплата так себе, на любителя, попутная подработка с использованием старых связей. Не совсем, правда, восстановились в памяти события того прохладного майского вечера, но дело, как говорится, наживное...

Стоит ли так паниковать? Беда прошла, жизнь продолжается. Вернулся с того света, пережив клиническую смерть – говоря грамотно и научно, NDE – Near Death Experience, «околосмертельный опыт». Тоннеля не видел, да и опыт, честно говоря, хреновенький. Вот только почему так быстро встал на ноги, и что за ерунда с видением пожара в западном крыле больницы?..

Делать было нечего, он вернулся в кровать, уснул, проснулся от головной боли. Началось паломничество. Вскоре он знал, что находится в десятой хирургической больнице, снимки мозга не показывают серьезных отклонений, опухолей, утечек серого вещества. Полости сердца не расширены, кинез миокарда левого желудочка, имеется добавочная сухожильная хорда в верхней трети его полости, клапанный аппарат интактен. Курирует его лично заслуженный врач Российской Федерации Воровский Л.З., а отключить аппаратуру не поднялась рука у молодого хирурга Позднякова. Лежать ему как минимум вечность и терпеливо сносить осмотры и унижения. После обеда, который доставили в палату со всеми гражданскими почестями, он уснул, утомленный повышенным вниманием. Проснулся от шума в коридоре.

– Да это не Морозов! – бушевала разгневанная работница. – Это Отморозов какой-то! Опять сбежал из-под капельницы! Курит на чердаке, мерзавец! Ловите его, девочки!

Он вспомнил обстоятельства, предшествующие бесславному падению. Словно прожектор зажегся в сумраке памяти. 23 мая, вторник. В кармане образовалось несколько тысяч в национальной валюте, и он подумал, что если уж швырять их на ветер, то лучше навстречу ветру. Супруга, работающая в Н-ской Ассоциации

Туристических Организаций (наглецы там в руководстве), провела семинар в родном городе и укатила на симпозиум в столицу, откуда должна была плавно перетечь на конгресс в Индонезию – словом, квартира пустовала, и требовалась спутница жизни на одну ночь. Хорошенькая девушка всхлипывала носиком в фойе супермаркета, она была так трогательна, что у Вадима не хватило духу пройти мимо. Девушка копалась в сумочке, рыженькая, в микро-юбочке, невзирая на собачий холод. Не защитить такую красоту было просто не по-самурайски. Ведь женщины такие умные и предусмотрительные. Бумажку с пинкодом хранят в кошельке рядом с банковской карточкой, чтобы не мучить ни себя, ни карманника. Где свершилась беда, она не знает. И пока не начала говорить, казалась вполне разумной. А потом отступить было некуда. Ведомый благородными чувствами, он подвел девушку по имени Злата к ближайшему милиционеру, о чем впоследствии сильно пожалел. Милиционер был страшно занят, доказав лишний раз, что милиция в этой стране борется с преступностью, как алкоголик – с выпивкой. Только виноватому у нас ничего не грозит. Из лап закона удалось вырваться и даже накормить голодную девушку в китайском ресторане, попутно зачитав познавательную лекцию по основам энтомофагии (потребления в пищу насекомых). Спутница повеселела, заявила, что аппетит у нее от лекции не испортился, поскольку она трудится по медицинской линии (хотя и не пиявкой), а вот интерес к собеседнику возрос. Разбудила в нем кролика. Он вцепился в нее на заднем сидении такси, как знаменосец в полковое знамя, и девушка в долгу не осталась. В голове уже призывно маячил четвероногий мягкий друг с надежным механизмом. На улице темнело, десять вечера. Они высадились из такси, бормоча какие-то глупости. Она кусала его за щеку, возмущалась, почему он такой небритый, а он отшучивался, что никогда не бреется перед сном, лицо с подушки соскальзывает. Прыгали через лужу, Вадим уверял, что это не лужа, а вход в метро. У подъезда красовался джип коммерсанта Качурина, проживающего на одной площадке с семейством Гордецких. Пикнула сигнализация, коммерсант направился к подъезду, как вдруг вспомнил, что оставил в машине документы, хлопнул себя по лбу, высказался на грани цензуры, зашагал обратно. Светиться перед соседом Вадиму не хотелось, но и прятаться в подворотне было унижительно. Он потащил Злату по дорожке к подъезду, коммерсант как раз погрузился в салон. Вадим еще расшаркался, распахивая перед ней дверь – дескать, только после вас, мэм. «Ты такой галантный», – восхитилась девушка. «Скорее, осторожный, – объяснил он. – А вдруг в подъезде хулиганы? Пока будут склонять тебя к сожительству, успею удрать».

Удрать он, к сожалению, не успел. Но навыки, обретенные в нескучной жизни, помогли. Лампочка в подъезде не горела. Кто-то выступил из темноты,

пропахшей канализацией. Он отшвырнул от себя Злату, и пока летела пуля, успел метнуться к перилам. С глушителем стреляют, – мелькнуло в голове. Вторая пуля также цели не достигла, он метался от стены к стене, и сразить его могла лишь плотная очередь из автомата. Третьего выстрела не было – осечка. Он воспользовался моментом, бросился вперед, поймал руку с пистолетом, но незнакомец вырвался. «Кулачком работаем, кулачком», – подсказал тренер в голове. Он нацелил удар – примерно в голову. Но пробил пустоту, недоросток оказался! Стрелок вырвался, побежал к лифту, как-то смешно топая ногами (неужто и впрямь карлик?). Вадим пустился в погоню. Подвела нестандартная планировка дома. На площадке между этажами он настиг недомерка, прыгнул, повалил, но тот был словно жиром намазан – проворно вывернулся, Вадим снова прыгнул, ударился головой. Что-то юркое метнулось на балкон общего пользования. Оба махнули через перила – второй этаж, ерунда, прыгнули на крышу примыкающей к дому забегаловки – а там их целых три: цветочная, книжная и алкогольно-закусочная – а далее по забору толщиной в полкирпича. Злодей был явно из цирка – пробежал, почти не балансируя, как по дорожке, спрыгнул на крышу гаража. Вадим бы тоже показал класс, но кирпич вывалился из кладки, нога скользнула по отвесной стене, и не осталось других вариантов, кроме... того самого. Затылком об асфальт. Вот и всё, – думал он, врезаясь в твердое покрытие. Ты выполнил недопустимую операцию и будешь закрыт...

Существование в больнице было похоже на протяжный вой. Моменты относительной вменяемости и «прямохождения» сменялись полными провалами. Он не мог контролировать время. В период просветления нарисовался следователь из прокуратуры, задавал формальные вопросы, участливо кивал головой. Под занавес беседы как бы невзначай поинтересовался, правда ли, что пострадавший когда-то работал в милиции. «Истинный крест, – прошептал, смыкая веки, Вадим. – Но только не работал, а служил. Милиция у нас не работает...»

Снова пребывание в беспомощности. «Пора кончать это гадство», – толкнуло в затылок сознание, он открыл глаза. В палату входила медсестра Елизавета Павловна. Медсестричка, ангел мой, украшеньё лазарета... Посмотришь на такую, и сразу пропадает охота болеть. Мордашка загадочная, как шифровальная машинка «Энигма» гитлеровского подводного флота – до тех пор, пока в позапрошлом году не взломали ее знаменитый код.

– Здравствуйте, Вадим Сергеевич, – сказала с растяжкой медицинская работница. – У вас такие глаза ждущие.

– Жду... – Вадим сглотнул, чувствуя сосание под ложечкой. – Любви, ласки, понимания, чего-нибудь покушать.

– Рано еще, – прыснула Елизавета. – Питаться будете духовной пищей. Посетительница к вам. Крикливая, разодетая, уверяет, что ваша жена. Поздравляю, у вас потрясающий вкус.

Вадим в расстроенных чувствах закрыл глаза.

А когда открыл, напротив него в ультрамодном, приобретенном явно не в Сибири, пиджачке сидела турагентша по имени Жанна. Уже спокойная, в глазах дозированная жалость – к мужу, всеобъемлющая – к себе, спина прямая, губы плотно сжаты, мушка над верхней губой, не женщина, а картинка. Как открытая книга на китайском языке: все видно, прочесть можно, но ни черта не понятно...

Молчали долго, с чувством, после чего Жанна Альбертовна взгромодила на этажерку пакет с апельсинами и гроздь бананов (чтобы потенцию не баловать).

– Знаешь, дорогой, – саркастически заметила Жанна. – Не всё то золото, что молчит.

– Я просто изумлен, дорогая, – промямлил Вадим. – У тебя птичий склероз? Ты забыла улететь на юг?

– Очень смешно, – подумав, ответила Жанна. – Но с юга я, к сожалению, вернулась. Новость настигла на Бали: Вадим Гордецкий пал клинической смертью, срочно требуется вмешательство родных и близких. Так спешила из аэропорта, что... – Жанна замолчала. Всеобъемлющая жалость к самой себе сделалась доминантой.

– Позвольте догадаться, – приподнялся Вадим. – Две новости – плохая и хорошая. Хорошая – это то, что подушка безопасности сработала. Ты раскромсала джип?

– Не так плачевно, дорогой. Не волнуйся, я успела применить экстренное торможение. Джип местами невредим. Дело в том, что в стране дураков никогда не научатся строить приличные дороги. Но это лирика. В милиции мне сказали,

что карающий меч ночного грабителя настиг тебя в тот момент, когда ты вел к нам в гости какую-то грязную потаскушку?

- Почему грязную?

- Впрочем, нам, татарам, все равно, - усмехнулась Жанна. - Ты ее, в любом случае, не довел. Оргазм подкрался, но не грянул, сломалась старая тахта. А квартиру, я думаю, мы распилим. Вот только... - она уставилась на лежащего мужа с какой-то брезгливой жалостью.

- Даже и не думай, - запротестовал Вадим. - Жалость в данном случае неуместна. Забудь меня, Жанночка. Оставь ненужное самопожертвование. Врачи признались, что до конца дней я буду прикованным к кровати инвалидом. Уходи из моего сердца, улетай на юг, устраивай жизнь - и пусть твоя совесть спит спокойно. В конце концов, мы станем цивилизованной страной - а в цивилизованных странах, в той же Голландии, к инвалидам на дом приходят социальные проститутки. Проживу уж как-нибудь...

Но вывести из себя бывшую супругу в этот торжественный момент оказалось непросто. Аура сидящей рядом женщины лучилась презрением. Всё вокруг становилось другим, но ничего не менялось.

- Типичная аггравация, - бормотала образованная супруга. - Неумное преувеличение больным тяжести своего состояния...

Вадим закрыл глаза. Он знал наверняка - с семейной жизнью покончено бесповоротно. Слишком долго они трепали друг другу нервы. Не спасет ни клиническая смерть, ни шишка на затылке, ни ложные представления о порядочности. Хорошо, что не успели обзавестись детьми...

Когда он очнулся, супруги в палате не было. Но из-за двери показался любопытный носик Лизаветы Павловны.

- Вы в порядке, Вадим Сергеевич?

- Как скала, - отрапортовал Вадим. - Заходите, гражданка, поболтаем.

– Я бы с удовольствием, но к вам опять посетительница, – подкрашенные тушью глазки коварно заблестели. – Вы, наверное, утомились. Перенесем аудиенцию на более поздний срок?

– Ни в коем случае, – возразил Вадим. – Впускайте. Разрубим сразу всё, и будем отдыхать.

Вошла рыжеволосая красавица Злата, увешанная пакетами, и застенчиво замялась на пороге. Эфемерное создание, не добравшееся до его квартиры, сорвавшее голос в «парадном», а потом нашедшее в себе мужество вызвать милицию и медиков. Он бледно улыбнулся, прошептал умирающим голосом:

– Я знал, что ты придешь. Но, право слово, это так нелепо, смешно, безрассудно...

– Я буду ждать, пока тебя вылечат, – трепетно заявила девица, села на краешек кровати. Он накрыл ее дрожащую руку своей тоже дрожащей рукой.

– Спасибо, милая, не стоит взваливать на себя столь непосильный груз. Ты еще молодая. А мне – врачи по секрету сказали – всю жизнь придется передвигаться в инвалидном кресле...

Он, кажется, уснул, а когда проснулся, в палате было пусто. Он лежал, обложенный фруктами, как венками. В окно колотилась обезумевшая муха.

– Интересные у вас знакомые, Вадим Сергеевич, – сказал Елизавета, входя в палату.

– Расцвечивают мою серость, – похвастался Вадим.

– Ой ли? – девица покачала головой. – Вы всех отправили к чертовой матери, как не стыдно? А к вам, между прочим, снова пришли. Вы прямо звезда.

– Опять посетительница? – простонал Вадим.

– Посетитель, Вадим Сергеевич, посетитель...

Разметав полы белоснежного халата, в лоно выздоровления вломился коммерсант Качурин, проживающий в соседней квартире, грохнул на этажерку пакет с апельсинами, подобрал пузо и без преамбул заявил:

– Прости, сосед, что так вышло, ей-богу не хотел. Не обижайся, что долго не навещал: налоговая как инфекция привязалась, замаялся, блин, лечиться...

– Минуточку, – насторожился Вадим. – Ты чего, Димон? Вроде не пьяный.

– А ты до сих пор не понял? – схватился за голову коммерсант. – Я же видел, как вы с девкой вошли передо мной в подъезд! Кто в тебя стрелял?

– А я знаю?

– Так это же меня хотели убить! – загремел Качурин. – Я догадываюсь, кто! Недобросовестный партнер из Новокузнецка! Милиция в курсе. Отгружали в прошлом году партию оргтехники, кредит выпросил, мерзавец! Процентом набежало море! Больше, чем сумма сделки! Отдавать не хочет, валит на партнеров, которые якобы его надули, а мне какое дело до его партнеров, скажи? Вспомни ситуацию, Вадим! Горе-стрелок поджидал меня в парадном, выкрутил лампочку. Узрел в окне между этажами, как я подъехал на джипе, вылез и потопал к подъезду. Не у каждого в городе последняя модель Nissan X-Trail, разнюхал, подонок... Сообразил, что сейчас я войду в подъезд, и побежал вниз. А я вернулся – документы в машине забыл. А вы с девчонкой шмыгнули вдоль стеночки – я же не слепой. Он и начал палить, думая, что это я. Темнота, не видно ни зги. Потом баба завизжала, разобрался, пустился наутек. Такие вот дела, сосед. Чего уставился, словно рог у меня на лбу? Нет там никакого рога, Зинка всегда под контролем...

В словах коммерсанта была бетонная логика. Стечение обстоятельств, и можно забыть. Но что-то удерживало от проявления бурного восторга. Он тупо смотрел в потолок, тщась справиться с мыслями и предчувствиями.

– Эй, ты где, сосед? – потряс его Качурин.

– В океане сомнений, – неохотно выдавил Вадим.

– Ты думаешь, шли на тебя? – обрадовался сосед. – Знаешь, Вадим, я сам до конца не уверен, что пасли меня, хотя теория вроде стройна, и дело ясное. Но еще папаша Мюллер говорил, что ясность – одна из форм полного тумана.

– Вот именно, Димон, – вздохнул Вадим. – Желать моей смерти вроде некому. Хотя...

Мужчины озадаченно уставились друг на друга. Пища для размышлений, что ни говори, имелась, причем обильная. Одно неясно – если ждали Вадима, как заморыш, сидящий в подъезде, мог их разглядеть, крадущихся вдоль дома. Впрочем, он мог получить сигнал от кого-то извне...

– Ты не думай, что я обрадовался, – бормотал Качурин. – Мы с тобой прекрасные соседи, и если тебя пришьют, я не описаюсь от восторга. Хочешь, приставлю к тебе человечка?

– Не нужно, – поморщился Вадим.

– А кто тебя будет охранять? – удивился Качурин. – Доблестные органы? Им самим нужна охрана. С персоналом договорюсь, не волнуйся. Парня зовут Боря – будет торчать у палаты. Докучать не станет, обещаю. А как выпишешься, охрана автоматически снимается. А я, от греха подальше, куда-нибудь из города смоюсь. Имеется давнишняя мечта – бросить всё, улететь в страну, где много, много диких обезьян... Обменяю баксы на крузейро...

– Крузадо, – машинально поправил Вадим.

– Чего? – не понял коммерсант.

– Деньги такие. В стране диких обезьян. Если ты имеешь в виду Бразилию. Ладно, сосед, дерзай, Бог тебе навстречу...

Сознание меркло. Он опять не помнил, как убрался посетитель, что он говорил на прощание, и что звучало в ответ. Телохранитель по имени Боря оказался милым, интеллигентным молодым человеком в огромных черных очках, которые не снимал даже в темных помещениях. Под очками был синяк, об этом поведала при очередном посещении медсестра и очень странно на него взглянула. «Какой

ни есть, а VIP», – подумал Вадим. Он снова валялся в забытьи. Собрался консилиум, включили свет, склонились мудрые головы.

– Очень любопытный случай, коллеги, – вкрадчиво вещал Леонид Захарович Воровский. – Мозг пациента был полностью отключен минут пятнадцать. А сейчас – полюбуйтесь на снимки – все вернулось к норме. Смущает только вот это неопределенное пятнышко...

– Фотограф был пьян, – прошептал Вадим, но его никто не слышал.

К черепу подключали какие-то провода с клеммами, следили за показаниями невидимых приборов, сделали больно и не извинились. Задавали глупые вопросы, наивно полагая, что проводят тест на интеллект.

– А что вы скажете о Бенджамине Франклине, любезный? – лисьим голосом вопрошал профессор. – Как у нас по президентам?

– Не был Бенни президентом, – устало отвечал Вадим, – вопреки популярному заблуждению. Он был одним из авторов Декларации независимости и изобрел громоотвод...

– Да что вы говорите? – изумилось светило. – А вот последний факт науке неизвестен.

– Бросьте вы, – поморщился Вадим. – Многие из великих занимались побочными открытиями. Эдисон корпел над электрической ловушкой для тараканов, а получился электрический стул. Галилей изобрел градусник, Платон – будильник, Леонардо да Винчи – салфетки, хлебобрезную машинку, танк... и тоже, кстати, будильник, который тер спящему ноги. Профессор, хватит заниматься глупостями. Клиническая смерть не повлияла на интеллект. Не прибыло, не убыло. Золото растворяется в царской водке, от обилия росы зависит жаркость предстоящего дня, а «Голубой поток» – это вовсе не орды гомосеков, хлынувшие на Русь. А еще я знаю, что такое обценная идиоматика – могу толкнуть по случаю тройку-другую хрестоматийных примеров...

Воцарилось недоуменное молчание. Кто-то из несведущих прошептал:

– А что такое обценная идиоматика?

– Ненормативная лексика, – скупое объяснил знающий коллега.

– Ну что ж, любезный, – пытался сгладить впечатление профессор. – Понимаю, вы устали, не смеем больше вас задерживать. До новых, так сказать, встреч, – погасла голубая луна, говор сделался приглушенным, каталка, поскрипывая ходовой частью, куда-то поехала...

Ночью его терзали видения, в которых не было никакой конкретики. Личности без глаз и волосяного покрова, но в белых хирургических масках, склонялись над больным, изъяснялись на птичьем языке. Блаженный старичок бесцеремонно лез в квартиру, объясняя, что ходит по домам и собирает средства на отправку губернатора в космос, причем дают немного, но многие. Алкоголик дядя Гога, размазывая пьяные сопли, жаловался, что угораздило же родиться на единственной планете, где нет ему житья. Комья грязи летели из-под дворницкой метлы. Хлопала форточка, за которой разнузданно стреляли молнии. Бились ноги в клетчатых бабушкиных носках – вспорхнуло одеяло, красиво улеглось на пол...

Он проснулся среди ночи с жутким желанием обкуриться. Выбрался в коридор, разбудил мрачноватого, но интеллигентного Борю, оказавшегося, по счастью, заядлым курильщиком. Болтали о чем-то, но содержание беседы утром полностью выветрилось из головы. Очень странно, что утро все-таки наступило.

– Ужас, ужас, – вошла в палату и раздернула шторы, привстав при этом на цыпочки, Елизавета Павловна (Вадим залюбовался буйным смешением непристойности и высокой эстетики). – Две новости, Вадим Сергеевич – одна хорошая, другая плохая. По случаю субботнего дня вас решили оставить в покое – это хорошая. В восточном крыле – а там у нас отделение для состоятельных сердечников – кажется, что-то произошло. Главврача вызывали, вернулся бледный. Милиция обложила отделение, говорят, убили кого-то...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Всё текло своим чередом. Не было ни одного лишнего события. Отъезд жены, обворованная девушка в супермаркете, покушение, «смерть», Качурин, предвидение номер один, предвидение номер два. План чрезвычайных ситуаций для отдельно взятого Гордецкого был составлен загодя и утвержден во всех инстанциях. Здоровье позволяло вырваться из лапок медсестры и раствориться в лабиринтах больничных переходов. Шлепая тапками, он добрал до восточного крыла, спустился на второй этаж. В здешней юдоли скорби все было как у белых людей – евроремонт, мраморные колонны, в нишах между палатами африканские джунгли, на которых неплохо смотрелись бы дикие обезьяны. Предчувствие не обмануло. У палаты под номером двадцать девять толклись люди с характерными лицами. Милиционер в звании сержанта преградил дорогу.

– А вы еще куда? – недоверчиво уставился на «антилихорадную» простынку, обмотанную вокруг Вадима.

– Подумаешь, простынка, – буркнул Вадим. – В Древней Греции люди постоянно носили простыни, потому что ночевали, где попало.

– Ты что, псих? – напрягся сержант.

– Имею право, – буркнул Вадим. – Вообще-то, я Джон Батлер, генеральный инспектор Скотланд-Ярда. Не будем нарываться, сержант. Кто тут у вас командует?

Странные нотки в голосе «инспектора» предостерегли сержанта от решительных милицейских мер.

– Майор Румянцев. Никита Афанасьевич, – поведал он с неприязнью.

Не обмануло предчувствие, ох, не обмануло...

– Так зови Никиту Афанасьевича, чего ждешь? – начал раздражаться Вадим. – Скажи, Гордецкий снова в строю.

У майора Румянцева – невысокого крепыша с большими ушами – были красные от недосыпа глаза, мятый пиджак и бездна нереализованного сарказма.

– Покойничек явился, – забормотал он, протягивая руку. – Ладно, сержант, не ломай ему крылья. Но на будущее учти – этого парня проще не пустить, чем потом выгнать.

Они сидели у окна в стороне от людей и нервно курили.

– История продолжается? – угрюмо спросил Вадим.

– И как ты догадался? – Никита впихнул бычок между плитками паркета. – Полный мрачняк. Всё необъяснимо, загадочно, и кровь привычно стынет в жилах. Извини, что не навестил. Прослышал о твоём несчастье, и даже навел справки, в какой ты больнице... Серьезно, закрутился. Говорят, ты с того света вернулся?

– Пустяки, – отмахнулся Вадим. – Головой ударился, ничего страшного. Умнее буду.

– Да куда уж умнее, – покосился Никита. – А знаешь, вот ума не приложу, почему ты оказался в той самой клинике, где грохнули этого бедолагу. Да еще и сам пришел.

– Так это я его, неужели непонятно? – удивился Вадим. – Могу признание написать, по всем правилам протокольного искусства – только заранее объясни, кого там грохнули... Ужасно выглядишь, Никита. Не могу представить, кого однажды труд сделает из человека. Убили-то кого?

– А тебе зачем? Ты же у нас сугубо гражданский. Вольный хлебопашец с шишкой на затылке.

– Старинной решил потрянуть.

– Смотри, отвалится старина. Хорошо, слушай. Погибший – Семен Борисович Белоярский, известный художник, почетный житель нашего города и страны в целом. Украшение, так сказать, отчизны. Имя на слуху. О нем слышали все, и даже ты...

– Слышал, – подтвердил Вадим. – Но, честно говоря, не думал, что он еще живой и проживает в нашем городе...

– Своя художественная школа в Сибири, которой он руководит уже много лет. Бодренький такой старичок – специалист широкого профиля и несравненный мастер своего дела. Блестящий живописец и толковый преподаватель. Дожил до восьмидесяти с лишним лет – практически ничем не болел, кроме простуды, с сердцем полный порядок, занимал активную жизненную позицию, писал по две картины в месяц, имел легион учеников и последователей, автор монументальных полотен, украшающих ведущие музеи...

– Постой, – перебил изумленный Вадим. – Ты хочешь сказать, что старичок в восемьдесят с хвостиком успешно руководил своей художественной школой широкого профиля? А на пенсию его отправить не пробовали?

– В том-то и загадка, – пожал плечами Никита. – Говорят, он был вполне вменяем и мог заткнуть за пояс любого из так называемых маститых художников. Случай, аналогичный с покойным Урбановичем.

Вадим уже сообразил.

– Но в больницу, тем не менее, загремел.

– Неполадки в моторе, – кивнул Никита. – Пора бы уж, не бессмертный же он. Загадки организма, Вадим. Мой дед дожил до восьмидесяти – ни разу не обращался в поликлинику. Всерьез болел лишь однажды – в тридцатые годы, служил в армии, подхватил малярию. А умерла бабушка, с которой он всю жизнь нянчился, так сразу скис, скукожился, потерял интерес к жизни, и все болезни, что по-тихому зрели в организме, вдруг вылезли. Так вот – детей у этого деятеля уже не осталось, вымерли, имеется внучка – она и примчалась в больницу. Уже допросили. У них с дедом особняк на Бердском шоссе, сама художница, имеет в доме мастерскую, выполняет заказы, не замужем. Дело было так: сидели, плотно ужинали, внезапно деду стало плохо, хлынул пот, вилку выронил... Хорошо, шофера не успели отпустить – мигом доставили в больницу. Диагноз – аритмия.

– Отравили за ужином?

– А кто ж его знает, – пожал плечами Никита. – В свете нынешнего события – вполне допускаю. Старичок оклемался, собирался бежать домой, но, сам понимаешь, не отпустили, стали готовить к операции. А ночью кто-то его придушил... подушкой. Самое смешное, что отделение для состоятельных

клиентов – под контролем вневедомственной охраны, ребята не спали – трудно спать вдвоем одновременно, посторонних не было, окна оборудованы сигнализацией, шесть палат пустых, в остальных – тяжелые пациенты, которые не в состоянии ходить по ночам и кого-то душить. Из персонала присутствовали четверо – дежурный врач, медсестра, нянечка и заведующая отделением. Кстати, почему здесь присутствовала заведующая отделением, мы пока не поняли.

Вадим похолодел. Что за хворь его терзает? Снова в голове со скрипом разогналась и завертелась карусель. Лошадки, ослики, верблюды... Хлопающая форточка – это явно из другой оперы... Дворник Герасим, яростно скребущий аллею, алкоголик, брызжащий желтыми слезами, божий одуванчик, собирающий средства для отправки на Альфа-Центавр первого лица области...

– Ты где? – насторожился Никита.

– Здесь, – Вадим сбросил оцепенение. – Тело еще не увезли?

– Какое тело? – не понял Никита.

– Мертвое!

– Не ори. На месте. Ребята из отдела криминалистики еще не закончили. Хочешь полюбоваться?

Он пробился через настороженные взгляды орудующих в палате людей (подумаешь, привидение в простыне), но далеко не ушел. Палата оборудована по последнему слову, сияет чистотой. Лицо покойного переливалось свинцовым блеском – словно вазелином натерли перед отправкой на тот свет. Действительно почтенный возраст. Морщинистая куриная шейка, голова отброшена, нос с горбинкой, глаза навывкат, потухшие, цвета мутного бутылочного стекла. Макушку украшали клочки седой растительности, словно рваная еврейская шапочка. Пижама аккуратно застегнута, штанины подвернуты, костлявые щиколотки торчат, точно прутья из огородного пугала, а ступни облачены в смешные клетчатые носки...

Валялось и одеяло – то самое, что красиво вспорхнуло во сне...

Он вышел в коридор и прислонился к стеночке. Приступ головной боли был бы очень некстати. Но его уже не избежать.

– Совсем расклеился, дружище, – цокал языком Никита, хватая приятеля за локоть. – Ох уж мне эти добровольные помощники с того света... Пойдем, горе луковое, провожу тебя до места постоянной дислокации.

– Не надо, Никита, – отбился Вадим. – Займись делами, а я на лавочке прикорну. Свистнешь, когда с персоналом будете общаться...

Теперь он был уверен на все сто: оба субботних убийства – 20 и 27-го мая – связаны между собой, как сиамские близнецы. В воскресенье 21 числа, поглощенный думами о состоявшемся увольнении из торгового дома «Радуга», он забрел в питейное заведение со странным названием «Дети святого Патрика». Наткнулся на поглощающего пенный напиток капитана Румянцева. Когда-то вместе служили после армии, Вадим ушел на «гражданку», Никита работал патрульным, окончил школу милиции, стал опером, старшим оперативником, руководил следственной частью, перевелся в главк, дослужился до майора, поставлен руководить целым отделом, который периодически бросали разруливать безнадежные ситуации. В этот день он был мрачнее тучи.

– Хоть одна живая душа, не желающая моего позора, – ворчал захмелевший приятель. – Представь такую возмутительную ситуацию. Заслуженный деятель искусств Урбанович, лауреат множества премий, видный режиссер и театральный деятель, депутат областного Совета позапрошлого созыва – всемерно уважаемый и заслуженный старичок. Восемьдесят пять лет – давно пора лежать в могиле или, в лучшем случае, на смертном одре, а он ведет активную полноценную жизнь. Снимает криминальную драму в родном городе, болтается по столицам, по зарубежью... В субботу отправился в финскую баню. Угадай, с кем.

– Надеюсь, не с девочками?

– С девочками, – кивнул Никита. – Одной восемнадцать, другой двадцать четыре. Сотрудницы досугового центра «Клеопатра».

– Господи, – ахнул Вадим. – Да что он там с ними делал?

Никита пожал плечами.

– Если ничего и не делал, то сам, знаешь ли, факт... Словом, мощный старик. Охрана банного комплекса снаружи, девчонок потащил в сауну, приятно провели время, выгнал обеих в предбанник – а этот факт отмечен аж двумя сотрудниками ЧОП «Выстрел». Сам остался париться, плавать и нежиться в одиночестве. Пять минут прошло, находящиеся в «фойе» услышали выстрел, прибежали, обнаружили труп – между бассейном и дверью в парилку. В голове – пуля. Под ногами – пистолет, компактный П-64 польского производства. Калибр 9 мм, в Россию поставляется контрабандой. На пистолете – отпечатки пальцев Урбановича. Но, хоть тресни, ничто не говорило о том, что старик собирается покончить жизнь самоубийством. Девчонки и охрана хором уверяют, что лучился жизнелюбием. Впрочем, пронести эту портативную штукуну он, конечно, мог. Вопрос – почему так сложно?

– Минуточку, – перебил Вадим. – Сколько времени прошло между выстрелом и появлением теплой компании в бассейне?

– Сошлись на том, что секунд двадцать. Девчонки в предбаннике вразной вопили, прибежали «чоповцы» из соседнего помещения, пока включали мозги, пока соображали, откуда бабахнуло...

– То есть у преступника имелось время, чтобы наделать на пистолете отпечатки убиенного – а, обладая должной сноровкой, это можно повернуть секунд за восемь. А потом слинять по заранее намеченному пути.

– Да не было намеченных путей! – рявкнул Никита, вспугнув воркующую по соседству парочку. – Замкнутое помещение, вернее, три помещения – бассейн, парилка, подсобка, в последней – швабры, тазики, ведра. Слив из бассейна – здоровая труба, но сверху заделана решеткой на болтах. Вентиляционные отдушины в подсобке и бассейне – ребенок не пролезет...

– Сговор между девицами и охраной исключен?

– Сразу четверо? – опер почесал макушку. – Ну уж извините. Девчонки просты, как банный веник, и показания дают, в общем-то, складно. И знаешь, Вадим, если честно, в пользу суицида говорит отсутствие глушителя на пистолете. Не стал бы киллер рисковать, учиняя пальбу – он же не был уверен, что в запасе

окажется двадцать секунд. А вступить с охраной в бой... м-м, как-то сомнительно.

– Правильно, – согласился Вадим. – А еще именно так поступил бы платный убийца, желая создать картину суицида. При условии, конечно, твердой уверенности, что успеет удрать.

– Черт! – шарахнул Никита кружкой по столу, повторно вспугнув парочку и привлекая внимание плечистого вышибалы. – Да знаю я об этом. Не было у Урбановича резона сводить счеты с жизнью. Успешный старикашка, заслуженный, зажиточный, обласканный властью. Знаешь, какие он фильмы клепал?

– И, тем не менее, остается самоубийство, – развел руками Вадим. – Или трясите девиц с охраной. Или ищите потайную дверь. Короче, успехов тебе, сыщик.

В понедельник, после очередной пикировки с Жанной, он поехал к родителям на Заельцовское кладбище. Анна Витальевна и Сергей Егорович погибли восемь лет назад, 22 мая – задохнулись в дыму на горячей даче. С той поры при слове «дача» Вадима охватывала неконтролируемая паника. Поправил завалившуюся ограду, посидел под березой, обрастающей листочками. На этом месте он всегда был спокоен, начинал философски относиться к жизни. Попутно убедился в тесноте мира: на соседней аллейке протекала пышная погребальная церемония. Автобусы загородили проезд, оркестр из медных духовых, толпа людей с поджатыми губами. Протискиваясь между автобусами, он спросил у меланхоличного очкарика: «Кого хоронят?» – «Урбановича», – отозвался очкарик. Вадиму стало интересно. Он отступил за безвкусную стелу, призванную увековечить безвременно усопшего криминального лидера, и стал смотреть. Церемония подходила к завершению. Оркестр выдохся. Люди с поджатыми губами разомкнули плотные ряды, потянулись к кавалькаде легковушек – на капотах уже выстраивалась водка для поминовения. Участники церемонии расслаблялись, бросали на плечи «халявные» полотенца, отдельные уже робко улыбались. От толпы отделилась рослая, прямая, как трость, явно не пролетарских кровей особа преклонных лет – побрела по дорожке к отдельно стоящему «бумеру». Люди смотрели ей вслед, никто не осмелился окликнуть. Вдова, – подумал Вадим, он оторвался от памятника криминальному лидеру и, мечтая показаться невидимкой, зашагал наперерез. Сказал «извините» и как-то произвольно поклонился. Уже и не помнил, какие сочувственные слова говорил. Но долго словесами не растекался. «Прошу простить, уважаемая, я из

милиции, позвольте с вами поговорить? К сожалению, у меня нет с собой удостоверения, я не на службе – у самого тут покоятся родители...» У вдовы имелись основания послать его к черту. Но проняли слова незнакомца. А может, это был единственный человек за день, обошедшийся без мироточивой наигранной скорби. Она смотрела сквозь него, костлявая, белокожая, вся в черном – глазами, в которых простиралась бескрайняя арктическая пустыня. А когда заговорила, он понял: женщина сломана – с хрустом, окончательно. «Мне безразлично, кого вы сможете найти, жизнь окончена... Простите, молодой человек, я не расположена помогать органам. Но могу вам сказать определенно – это не самоубийство. Фимочка никогда не смог бы покончить с собой. Это все оттуда – проклятый сорок пятый год, местечко Аккерхау, деревня Зандерс. Он так боялся, что рано или поздно это начнется... Зачем они с друзьями продали душу Дьяволу, я не понимаю... Шестьдесят лет промчалось, пришла пора платить...». Она насилу справилась с собой, замолчала. Глаза наполнились слезами. Ей было безразлично, что в роковой для себя день Урбанович развлекался в бане с девочками. А может, не видела в этом ничего предосудительного. Если мужчина может, а женщина нет, какое имеет она право лишать его радости?..

Вадим хотел еще что-то спросить, но тут женщина как-то испуганно покосилась в сторону. За автобусом мелькнула чья-то спина. Показалось, может, обычный «скорбящий»? Он предпочел не всматриваться, женщина развернулась, быстрым шагом направилась к машине, где за темными стеклами угадывался силуэт шофера. Все слова были сказаны. Он было двинулся следом, но остановился, сообразив, что будет выглядеть полным идиотом...

Невозможно объяснить, почему его охватило любопытство. Проезжая на маршрутке мимо областного архива, он попросил водителя остановить, спустился в подвал кирпичного купеческого здания и спросил у слегка зомбированных сотрудников, какие действия нужно предпринять, чтобы получить информацию, касающуюся биографии одного заметного лица. «Наденьте маску, достаньте автомат», – не размыкая рта, посоветовала квелая работница архива. «А серьезно?» – удивился Вадим. «А серьезно – ничего не надо предпринимать, – сообщила дама. – Просто нужно иметь допуск, заверенный заместителем главы администрации товарищем Млечниковым. У вас, судя по глупым вопросам, допуска нет. Всего вам доброго». По счастью, выходя из архива, он столкнулся со знакомым журналистом из «Вечерки», допуск у товарища имелся. «Хорошо, – вздохнул старинный знакомый, – попробую покопаться по твоей просьбе. Но не забывай, что литр приличного „Арарата“ обойдется кое-кому в полторы тысячи рублей».

Вечером он позвонил Никите Румянцеву и, полагая, что оказывает неоценимую услугу следствию, поведал о своих кладбищенских похождениях. «Только не лезь в это дело, – встrepенулcя Никита. – Уж справимся без леваков». – «Свинья же ты неблагодарная», – разворчался Вадим. На что Никита со свинцовой убедительностью ответил: «Я-то, может быть, и свинья, а вот почтенная вдова, к которой ты приставал, скончалась сразу после поминок. Уединилась от родни в спальне и приняла яд – выпила бутылек с неочищенным маслом молочая. Как говорится, недолго мучилась старушка. А еще я тебе скажу по секрету – их сын не был на похоронах. Вчера на трассе между Омском и Барабинском, спеша к отцу на похороны, он попал в серьезную аварию, сильно травмирован...»

Вадим похолодел. Повесил трубку и дал себе зарок не лезть в чужие дела. Куда его понесло, причем совершенно бесплатно? Телефонная трель заставила вздрогнуть. Звонил тот самый журналист – с дрожащим от волнения голосом. Пролезть в закрытое отделение архива ему, в принципе, удалось. И даже кое-что выяснить. Да, в сорок пятом году в составе Первого Белорусского фронта Серафим Давыдович Урбанович штурмовал Берлин, а затем его часть стояла гарнизоном в одном из маленьких поселений южнее немецкой столицы. Ничего не значащий факт военной биографии. Он командовал взводом – причем назначен таковым уже в мае, после подписания капитуляции и смерти предыдущий комвзвода. А что в этом, собственно, секретного? Но больше о том периоде писакe узнать не удалось. Подошел некто, представившись работником архива – с невыразительными и незапоминающимися чертами лица, вкрадчиво осведомился, почему журналиста интересует личность трагически усопшего Урбановича? Имелась в личине незнакомца какая-то скрытая угроза. Героем журналист ни разу не был, живенько поведал товарищу, что выполняет просьбу одного шапочного знакомого, а зачем тому это надо, он не в курсе. «Не надо делать того, чего не знаете», – мягко сказал «работник архива», записал фамилию «шапочного знакомого», а журналист поспешил ретироваться. «Знаешь, Вадим, пахивает это дельце, ты уж с меня не взыщи», – виновато сказал журналист и бросил трубку. А потом был отъезд супруги на конгресс-семинар-симпозиум, и встреча с обворованной Златой...

Мир безжалостно тесен, ничто не проходит бесследно, и от судьбы не уйдешь. Получалась стройная логическая цепь. Гибнет «мощный старик», следствие роет, но не преуспевает. У Вадима выходит лучше (абсолютно случайно), чем и обусловлен удар исподтишка. Сорок пятый год – подсказка покойной вдовы... Коммерсант Качурин не в теме, покушались на ВАДИМА. Неопознанный лилипут... Стоп! Он даже подпрыгнул от блеснувшей идеи. Если покушался от

горшка три вершка гном, то почему тому же экземпляру не пролезть в вентиляционную отдушину подсобного помещения в сауне? Пусть Никита проверит, вдруг получится? Сделал черное дело и убрался обратно в подсобку. Дополнительная фора. Пока охранники побегут по смежным помещениям, он уже испарится...

Кирпичики складывались в большую готическую стену. Гибель второго «мощного старца» – отсохни у того глотка, кто назовет это совпадением! А то, что рядом оказался Вадим... обыкновенное совпадение. Так ведь?

Осталось хватиться за то, что само напрашивалось: задушенный Белоярский и банный любитель Урбанович были знакомы друг с другом. А чем занимался Белоярский в сорок пятом году? Тоже воевал? Он закрыл глаза, сосредоточился. Затрещала голова. Кладбище, народ с поджатыми губами... Присутствовал ли Белоярский на печальной церемонии? Он не мог вспомнить конкретных лиц. Были пожилые, но не осели в памяти. Да и не похоже лицо удавленника на лицо живого человека...

Работники милиции, без дела снующие по коридору VIP-отделения, посматривали на него с брезгливой жалостью. Подошел взъерошенный Никита, сел рядом.

– Не надоело лезть в чужие дела?

– Проверьте, – встрепенулся Вадим, – не общались ли меж собой Урбанович и Белоярский. Не связывали ли их общие дела? Не служили ли вместе в армии?

– Да думал я об этом, – отмахнулся Никита. – Обоим глубоко за восемьдесят, оба связаны с чарующим миром искусства, оба в прекрасной физической форме, оба погибают при загадочных обстоятельствах. Не надо иметь семь пядей во лбу. А то, что между убийствами ровно неделя – нисколько не смущает. Приступ с Белоярским случился не сегодня. Чем он вызван у человека, который редко обращался к врачу, мы не знаем.

Вадим поведал о своих соображениях насчет карлика. А также об архивной неудаче и о покушении. Никита воззрился на него с изумлением. Потом хлопнул себя по лбу.

- А ты не такой уж безнадежный, дружище. Обязательно навестим сауну и осмотрим воздуховоды. Черт... что мы знаем о карликах?

- Люди такие маленькие.

- Я помню. А еще?

- А еще в Канаде существует многовековая традиция: бросать карликов на дальность. Наряжают их в защитные жилеты и кидают на резиновых женщин. Защитники прав человека пытаются все время запретить соревнования, дескать, оскорбляется достоинство карликов, но людям нравится. И карлики, кажется, не против.

- Здорово. Будь поосторожнее, дружище, - Никита посмотрел на товарища с невольным пиететом.

- Хорошо, - рассмеялся Вадим. - Не бери в голову, сам справлюсь.

Он вспомнил Бориса, которому явно не мешало бы подточить мастерство. Если охраняемый говорит охраннику, что не надо в данный момент его охранять, нормальный охранник не воспримет пожелание буквально. Кивнет, но будет работать. Впрочем, что взять с недорогих бодигардов коммерсантов средней руки?

- Смотри, - понизив голос, Никита толкнул его в бок. Прижимая к груди плоскую сумочку, из палаты вышла женщина в строгом гарнитуре. Грустно посмотрела на Вадима, безучастно - на Никиту, медленно отправилась к лестнице. Двое курящих мужчин зачарованно проводили ее глазами, и переглянулись.

- Внучка Белоярского, - пояснил Никита. - Страшно расстроена, но держится нормально. Барышне не позавидуешь, теперь все заботы о содержании особняка улягутся на ее хрупкие плечи.

- Нам такие беды точно не грозят, - улыбнулся Вадим.

- Как мало нужно для счастья, - со злостью процедил Никита. - Но даже этого нет. Задолбала жизнь лагерная! Передохнуть некогда, не то, что за девушкой

поухаживать. А ничего фигурантка, согласишься? Не девочка, конечно, но лет десять на нее еще будут оглядываться. Я бы за ценой не постоял.

- Слюни подбери, - посоветовал Вадим. - Она одна, на всех не хватит, постой пока что за ценой. Надеюсь, она не просто мажет холсты?

- У нее приличная частная клиентура. Рисует сама, занималась организацией выставок своего деда. Работала художником-гримером, занималась постижерными работами - парики, усы, бороды и так далее. Муж в бегах, имеется ребенок женского пола - ввиду кромешной занятости мамы, отбывает заключение за городом в детской колонии под названием «У семи нянек».

- Seriously? - не поверил Вадим.

- Шучу, - Никита расхохотался. - Пансион «Былинка» - для детей состоятельных мам и пап. Можно догадаться, что Мария Викторовна крайнюю нужду не испытывает. Разъезжает по городу на голубом «Пежо», зарплату получает в «убитых енотах», на запястье часики с бриллиантом... Ладно, не будем о грустном. Ты хотел присутствовать на допросе персонала?

Фактически допросом последующее действие не было. Скорее, упорядочением ранее высказанных утверждений. В кабинете заведующей отделением сидели четверо оперативных работников - двое с умным видом что-то писали, не поднимая голов, и четверо несчастных, угодивших под молох. Пухленькая медсестричка нервно поигрывала колечком на среднем пальце. Костлявая нянечка правдоподобно изображала монашку. Красавчик тридцати пяти лет с ухоженной белокурой гривой - дежурный врач Гаврилов. И непосредственно заведующая отделением Галина Юрьевна Ордынская - дама статная, немного за сорок, в мятом халате с оторванным хлястиком. Заведующая испытывала беспокойство. Команда «сидеть», отданная милицией, воспринималась ей без должного удовольствия, но в итоге она справилась и пристроилась на кожаную «вертушку», заложив ногу на ногу, подергивая перламутровым каблучком. Ножки были вполне «дееспособны» и постоянно отвлекали.

В формальном действии не было сенсационных моментов. Но интерес к происходящему рос. Тщательно обследовав не столь уж обширное крыло, оперативники доложили: вентиляционные каналы узки, не пролезет даже карликовая собачка. Пожарный выход предусмотрен, но опломбирован и замкнут

увесистым замком, ключ у охраны. Балконов нет. Сигнализация на окнах не повреждена. Парни в форме дважды делали обход и ответственно заявляли: посторонних не было. Больных заподозрить дико. Не мог же пациент самостоятельно задушить себя подушкой?

– Прошу понять меня правильно, господа медики, – мрачно возвестил Никита. – Мы всего лишь выполняем свою работу. Не надо прикрываться порядочностью заведения, кричать, что будете жаловаться. Смерть пациента наступила в четыре часа ночи. Плюс-минус полчаса. Еще раз хорошенько обдумайте сказанное и повторите под протокол. Итак, где вы находились от трех до пяти ночи. Начнем с вас, уважаемый доктор.

– Чего изволите? – вздрогнув, отозвался доктор Гаврилов. – Имена, пароли, явки?

Заведующая отделением перестала дергать каблучком и как-то странно на него посмотрела. К заведующей присоединилась и медсестра. Только нянечка продолжала корчить из себя монашку, заткнула под халат ноги не бог весть какой выделки и молитвенно смотрела в пол.

– Хорошо, – вздохнул Гаврилов. – Будем считать, что шутка не удалась.

В последующие пять минут следствие узнало, что доктор Гаврилов с трех до пяти часов ночи спал. Просто так, легко и незатейливо – спал и видел сны. На законных основаниях. В девять вечера он произвел обход, пообщался с больными, покурил с охраной, поскольку человек он общительный и демократичный. До полуночи корпел над бумагами в кабинете, потом заварил кофе, перекусил, еще раз проверил поднадзорную территорию. В половине третьего, не снимая одежды, прикорнул на тахте. В половине шестого прогулялся по палатам, заглянул в двадцать девятую... и чуть не заработал инфаркт. Собственно, он и сообщил о наличии трупа. С медсестрой Тасей тоже никаких проблем. У нее есть стол в уголке фойе, где она и просидела всю ночь (благо ни к кому из больных не пришлось прыгать), штудировав конспект по биологии, так как девушка обучается на заочном, и сессия уже началась. Временами она отлучалась с рабочего места. Дважды – в туалет, и раза четыре бегала в коридор покурить с «ребятами из охраны». Ничего не видела, ничего не слышала (при этом сделала такое произвольное движение, словно потеряла трусики). Нянечка Тамара Александровна также исправно тянула ляжку. Выносила утки, следила за состоянием больных. Полночи провела у пациента из 24-й палаты. Чиновника намеренно прооперировали, и было велено окружить

товарища теплом и заботой. Пациент пребывал в сознании, бурно выражая недовольство условиями содержания. Угомонился к трем часам, и уснул при свете лампы. Нянечка навестила прочих пациентов, вернулась в 24-ю палату, и пока в больнице не начался тарарам, листала книжку про западноевропейское искусство эпохи Возрождения.

– Допускается, – подумав, кивнул Никита. – Тамара Александровна и Таисия... как вас там по бабушке? Свободны.

Младший медицинский персонал с облегчением выбежал из кабинета, пока милиция не передумала. Остальные выжидающе уставились на майора.

– Отниму еще немного времени, – сказал Никита и сделал строгое лицо. – Ну что, господа? Как насчет обязательств говорить правду и ничего кроме правды? Не думаю, Галина Юрьевна, что неотложные дела требовали вашего присутствия в больнице минувшей ночью. Вы работали с недавно установленной компьютерной базой. Бездельники из фирмы, снабжающей вас современными технологиями, подсунули «английскую» программу, которая отключается, не прощаясь, и съедает информацию. В рабочее время вы не успеваете. Может, хватит водить нас за нос, Галина Юрьевна? Мы же взрослые люди.

– Галя, да скажи им, – побледнел красавчик. – А то ведь не отвяжутся...

«А у Никиты нюх на чужие амуры, – подумал Вадим. – Со своими только полная беда». Впрочем, когда супруга, которую Никита с треском выгнал из дома, обзавелась любовником, нюх сработал.

– А если взрослые люди, то зачем делать вид, будто не понимаете? – у заведующей задрожала жилка на виске. – Что вы хотите услышать, господа милиционеры? Что нам обоим не повезло с семейной жизнью, и нет возможности вырваться из порочного круга? Что встречаться мы можем только в больнице дважды в месяц, что вынуждены прибегать к уловкам и ухищрениям, чтобы два часа побыть вместе?.. Или вам не терпится вытянуть из нас признание в убийстве?

Дама молодилась перед партнером, но на грани нервного срыва стала именно той, какой была в действительности – рыхлой, усталой, неумолимо подходящей к своему печальному полувековому юбилею. Доктору Гаврилову сделалось

неудобно. Половина лица побелела, другая окрасилась в цвет китайского флага. Он сидел у всех на виду и не знал, куда деть руки. У молодого врача проблем с семейной жизнью не было. Не было проблем и с бесчисленными связями. Почему не поиграть в любовь со строгой начальницей? Разве повредит дальнейшей совместной работе?

Протокол заполнялся рублеными оборотами. Не уснул Гаврилов в два часа ночи. Не дали. Откупорили шампанское, выпили по бокалу. Что происходило дальше, лучше не спрашивать, а то опера совсем затоскуют. Тахта разбирается, превращаясь в элегантную кровать, и время в сладких объятиях летит, как почта по пневмотрубе. Уснули через час, проснулись, повторили. В начале шестого, сладко позевывая, Галина Юрьевна шмыгнула к себе (практически за стенку), а доктор Гаврилов отправился выполнять свои обязанности, вот только в одной из палат встретился с трупом...

Ожидать скончания этой тягомотины у Вадима уже не было сил. Как сказала бы давнишняя знакомая, работающая на молодежном радио: «бесперспективняк». Надвигался новый приступ. Он знаком показал Никите – пора отчаливать. Тот пожал плечами, дескать, что поделаешь, так и работаем – с миру по нитке, и... коту под хвост.

Полезные мысли отступали, как разбитые фашисты. Начинался бред. Он добрал до палаты, там уже собрался ученый консилиум и разбирал по косточкам бедную Лизу за то, что не уследила за пациентом. Девушка оправдывалась. «Пора линять», – мелькнула правильная мысль. Какая разница, где болеть? Он свернулся под одеялом, отгородившись от посторонних железным занавесом. Если хочешь, чтобы усилия мысли не пропали даром, обеспечь им комфортные условия...

Он ждал ночи и страшно ее боялся. То новое, что открывалось в Вадиме, проявлялось только по ночам. Явление пугало. Пожар в западном крыле больницы привиделся в то самое время, когда он случился (плюс-минус трамвайная остановка – в конечном счете роли не играет). Фрагмент убийства Белоярского – из той же области. Почему ноги в клетчатых носках? Почему не лицо убиваемого? Не лицо исполнителя? Почему он видит эти странные образы только во сне? Как это вообще возможно? А можно ли сделать так, чтобы увидеть их наяву?

В прежней жизни он точно знал: дневной сон и ночной сон – однозначно не пара. Придремлешь в светлое время – считай, ночь пропала. В больнице было не так. Он мог спать сутками, особенно после уколов, которыми его пичкали, как покойника формалином. Про еду не думалось, отсутствие сигарет воспринималось философски. Вадим помнил, как со скорбной миной подошла подвергнутая обструкции медсестра, подняла мощное орудие возмездия, начиненное лекарством, злобно процедила:

– Ложитесь на живот, больной...

– Не злитесь на меня, Лизонька, – бормотал он из последних сил. – Вы не виноваты, что не уследили за мной. А уволят – подумаешь, какая трагедия... Я возьму вас к себе секретаршей... Могу даже в жены... Поедем в Туапсе, снимем пещерку с видом на море... За вами никогда красиво не ухаживали?

– Да ладно бредить-то, – она невольно прыснула, и с удовольствием всадила иглу. – Таким, как вы, только за скотиной в деревне ухаживать...

Он хотел возмутиться, но захлестнул девятый вал с картины Айвазовского... Ночь на воскресенье была обычной ночью из жизни умалишенного. Бесилась неоновая дискотека, прыгали пестрые демоны с рогами. Ужас нагнетался. Как сказал бы Ромка Переведенцев – хороший товарищ с последнего места трудоустройства – «крыша съезжает – слишком слабое трение в мозгах». Он просыпался, обуянный РЕАЛЬНЫМ страхом. А только засыпал, подкрадывались кошмары, трясли его, как порыв ветра осенний лист. Эта свистопляска продолжалась полночи. Никакой подсказки, привязки к месту, намека на личность – сплошные абстракции из мира буйного помешательства.

А потом все стихло. Он проснулся, вцепившись ногтями в мокрую простыню. Лежал, затаив дыхание, вслушиваясь в звуки и ощущения. Сквозь жалюзи проникал тусклый свет от уличного фонаря. Отдаленные шумы ночного трафика. В голове подозрительно легко и никакой боли. Приглушенно гудел кондиционер. Все дурное ушло, отступило, потрясающая легкость в теле! Откуда что берется? А может, так и надо – спокойно, не торопясь?.. Он заблокировал приток мыслей в голову. Расслабился – куда уж проще? Представил внутреннее убранство 29-й палаты. Шторки, завязанные декоративными узлами, кровать, телевизор на кронштейне, картины из гербариев в рамочках. И это оказалось несложно. Палата погружена в полумрак, лишь над головой у спящего больного мерцает красноватый плафон. Нужно убедить себя, что время выбрано верно...

Толчок – без боли, но ощутимо. И все плывет перед глазами, не удастся придать четкость. Картинка темнеет, не держится в стандартном формате, отъезжает. До чертиков обидно. Открывается дверь, и в полумгле палаты возникает некто. Он вцепился ногтями в койку, подавляя желание немедленно туда бежать. Там пусто, покойника уже увезли, а нового еще не положили... Изображение колышется. Картинка, как на старом телевизоре «Рекорд», по которому от души хочется стукнуть кулаком. Напряжение зашкаливает в красный сектор, толку никакого. Впрочем, рост у вошедшего человека невелик, и это скорее женщина, чем мужчина. Силуэт расплывается, как акварель по промокашке. Входящая прикрывает дверь, стоит, замерев – очевидно, храбрости набирается, на цыпочках проходит в палату. Можно догадываться, чем она занимается. Рвущее движение – вытягивает подушку из-под спящего мужчины. Дедушка-одуванчик, сдачи не даст. Обеими руками сдавливает дыхательные пути. Трясутся ноги в клетчатых носках. Вот момент истины – «бабушка приехала!» Одеяло соскальзывает на пол... Убийца держит подушку – для пущей верности, хотя конечности уже неподвижны. Убийце и самой не в радость, подушка соскальзывает с покойного, она вздрагивает, замирает. Можно подумать, сейчас ее вырвет. Ну что ж, не всякая сущность приемлет, и в наших женщинах живут не только стервы... Она торопится уйти, выполнив поручение. Фигура пятится от кровати, поворачивается спиной. «Ближе, – умоляет Вадим. – Пожалуйста, ближе...» Усилие воли – картинка наезжает. Но убийца уже уходит. Открывает дверь – в этот миг «объектив оператора» максимально приближается. Спина в белом халате, уже выскальзывает в коридор. Бесформенные очертания, белое предстает в сером цвете, поясница, хлястик болтается на одной пуговице. Хозяйка не в курсе, а подчиненным неудобно сделать замечание. Закрывается дверь.

Картинка пропала, стало темно и неудобно. Постель намочила от пота – он лежал на остывающей сковородке, с которой забыли слить масло. Галина Юрьевна спланировала акцию как сумела. Конечно, она. Трудно найти причину, почему заведующая отделением обменялась халатом с кем-то из подчиненных. Кто мог знать, что момент убийства нарисуеться в голове «новообращенного» ясновидца? А волнение спишет на тайную любовь с дежурным врачом, которую афишировать нежелательно. Блестяще. И немного грустно. Выпили шампанского, порезвились «в партере», любовник уснул, а Галина Юрьевна совершила вылазку в палату № 29. На чем же прихватили заведующую целым отделением, что она безропотно согласилась на убийство?

Впрочем, органы должны решать. Им зарплату платят.

Логичный поступок – вскочить с кровати, растолкать Борю в коридоре, отобрать телефон, позвонить Никите Румянцеву – он стоически отверг. Не факт, что в нынешнем состоянии он дойдет до двери. И что может быть ужаснее, чем разбудить среди ночи замордованного мента? «Знаете, Никита Афанасьевич, после того, как я ударился головой, слегка подправилось биополе, распахнулись горизонты сознания, и я обрел способность к ясновидению (чакры бы еще немного спиртом протереть). Арестуйте, пожалуйста, госпожу Ордынскую, поелику было озарение, что она и есть таинственная злодейка». Если после такого заезда Никита не примчится в больницу с топором, то он очень сдержанный и уравновешенный человек. Лежи уж, не сбежит твоя Галина Юрьевна. Вот получишь другие аргументы, не входящие в противоречия с принципами марксистско-ленинского устройства мира...

Не было сил куда-то бежать. Спать хотелось немилосердно. Но это был еще не ужас. Кошмар стартовал, когда в голове прозвучал грозный окрик: «Встань!» Он распахнул глаза, и уставился в серую муть. «Вставай же! – повторил глас. – Довольно валяться!» Угроза катит, – сообразил Вадим. Надо же, какая предупредительность... Голос унялся. А ведь кто-то стоит в коридоре, слушает, берется за дверную ручку! Кто-то, но не Боря... Он чуть не задохнулся от страха. Протянул резину. Была же светлая мысль, о необходимости прощания с больничными стенами! Невзирая на лень, болезнь и недовольство со стороны окружающих... Он сел на кровати – такое ощущение, что тянул не себя, а баржу, груженую царь-пушками. Быстрее, времена на раскачку уже прошло. Вадим свесил ноги с кровати, машинально поискал тапки. Ведь были тапки, точно помнил, где они. Поднялся, держась за изголовье, набросил одеяло на подушку. Еще быстрее... Он сделал шаг, метнулся к окну. Потом сообразил, что вместо штор на окнах жалюзи, и спрятаться за ними сможет не каждый. Попятился к ширме, за которой Елизавета Павловна смешивала свои яды. Тоже не удобное место. Санузел? Полумгла, дверь приоткрыта, вырисовывается удлинённый прямоугольник проема. Он успел протиснуться в эту добровольную западню, когда дверь в палату бесшумно отворилась, и что-то эфемерное просочилось внутрь. Прижавшись к косяку, он слышал, как похрустывает кафель под ногами входящего. Забегал пальцами по полке. Увы, не оружейная палата, пара мелких флаконов, липкий обмылок, полотенце на вешалке. Он присел на корточки, рука отправилась ниже, вползла за тумбу. Не совсем запущены дела в этой конуре – наткнулся на огрызок чугунной трубы – видимо, меняли слив в ванной, приделали импортный пластик заодно с подводкой, а то, что сломали, сунули в угол и забыли. Вытянуть эту хреновину оказалось непросто. Он поднимал ее, стараясь не шаркнуть по полу, поглядывал в проем. Эфемерное образование,

ростом невелико, не старый ли знакомый? – неизвестный подошел к кровати, отбросил одеяло. А нет там никого... Он не смог подавить судорогу – труба со скрипом прошла по кафельной стене. Злоумышленник резко повернулся. Пойдет ли напролом, вопрос, конечно, интересный. Эх, гуляй, деревня! Уже не таясь, Вадим выдернул огрызок, врезал по тумбе. Незнакомец оторопел. Подливая масла в огонь, он ударил вторично! Зазвенело, как на колокольне. Не броситься ли в контратаку, используя преимущества дурной головы? Но тут злоумышленник начал растворяться. На подобные казусы он вовсе не рассчитывал. Попятился, сделал шаг, другой, развернулся, бросился к двери...

Первый тайм, – подумал Вадим. Выиграли ли? Но точно отыграли. Он с расстановкой досчитал до пяти (нельзя бросаться в погоню с бухты-барахты), покинул санузел, пересек палату и опасно выглянул в коридор. Охранник Боря был живой и, в принципе, даже выпался.

– Вадим Сергеевич, это вы... – он тер глаза и неуклюже слезал с миниатюрного диванчика. – Простите, разморило меня что-то... Дмитрий Олегович наказал вас сторожить, а сменщика не прислал. Не могу же я сутками напролет...

– Не можешь, не можешь, – перебил Вадим. – Ты сейчас никого не видел?

– Как не видеть, – призадумался горе-охранник. – Шандарахнуло что-то у вас в палате, а потом кто-то выскочил, меня и подбросило...

– Разглядеть успел?

– Да бог с вами, Вадим Сергеевич, – Борис смущенно покарябал отрастающую щетину. – Он за угол свернул – здесь быстрее можно выйти к лифтам и в фойе...

– Ты просто находка для работодателя, – похвалил Вадим. – Побольше бы таких профессионалов. Пошли, трудоголик, переведешь меня через Майдан...

Они шли по озаренным блеклыми лампадками пустым коридорам, Борис умолял ни о чем не говорить Качурину. Вадим уже усвоил, что у парня крепкая многодетная семья, неработающая жена, которую ни голова, ни ноги не кормят, горластая теща, и где он еще найдет такую работу, где можно ничего не делать?

– Тихо... – прошептал Вадим, прикладывая палец к губам. Лучше бы не ходили. Вестибюль погружен в мертвый сумрак. Лишь из закутка, где окопалась дежурная сестра, приглушенно разливается свет. Работница сладко спит, пристроив пухлую щечку на скрещенные руки. Входная дверь как-то издевательски медленно закрывается – очень уж неторопливый у нее доводчик...

Срываться из больницы нужно было сразу, пока не грянул настоящий гром. Добраться до дому, а там уж разбираться, куда влип. Ключи от квартиры – на брелке, пристегнуты к штанам, штанов в палате нет, да и вся остальная одежда – неизвестно где. Дубликат ключей – в квартире. Он впал в ступор, пораженный мыслью: если с таким маниакальным упорством его пытаются прикончить, то в какую же славную историю угораздило попасть? Ведь он ровным счетом ничего не знает!

Охранник Боря, узнав о тайных замыслах, обрадовался, как ребенок.

– В самом деле, Вадим Сергеевич, не идет вам эта пижама. Давайте так – вызываем машину, пусть ждут у ворот, а вы уж как-нибудь в неглиже доковыляете, плащик сверху набросите, на какой вам этот дресс-код? Обувку ребята подвезут. И черт с ними, с ключами, поднимем вас на второй этаж, балкончик взломаем.

Но все-таки резину они протянули. Лизавета Павловна, имеющая скверную привычку являться на работу к шести утра, застала их в самый недвусмысленный момент: Вадим забирался в кожаный шпионский плащ, а Борис подпрыгивал от нетерпения.

– Не пуцу, – заявила Елизавета, впадая в тихий ужас. – Вадим Сергеевич, даже не думайте. Если вы уйдете, я немедленно сообщу о вашем бегстве. Как же вы не понимаете, – ее глаза наполнились слезами. – Меня теперь обязательно уволят...

– А если в вашу смену найдут мой труп, даже посадят, – мрачно пошутил Вадим и, чтобы не казаться голословным, в двух словах обрисовал проблему. Девушка побледнела. – Давайте не обижаться, Лиза, выхода нет. Лучше принесите мою одежду.

– А как я ее принесу? – она совсем расстроилась. – Одежда у кастелянши, а Варвара Ильинична сегодня выходная. Мы ведь не выписываем людей по воскресеньям.

– Взломаем? – предложил Боря.

– Не надо, – Вадим поморщился. – Уходим. Лизавета Павловна, – он взял ее руку и с внезапно обуйшей нежностью погладил. Она смотрела на него совсем не теми глазами, какими смотрят работники медицинских учреждений на опостылевших больных, – умоляю вас, не поминайте лихом. Обещаю, все образумится.

– Горазды вы все обещать, – улыбнулась она сквозь слезы. – А кто-то и жениться обещал...

Вадим расхохотался.

– Обещал – значит, будет. Никогда не отказываюсь от своих слов. Верьте мне, Лиза.

Он чмокнул девушку в щеку и, пошатываясь, побрел в неизвестность. Боря прицелился чмокнуть девушку во вторую щеку, но та ловко увернулась. Со страхом и каким-то мистическим благоговением смотрела им вслед...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Уходить по-тихому было некогда, на улице светало. Подавить разрозненные очаги сопротивления, вырваться на свободу. Разболтанная «девятка» неслась по пока еще пустым, умытым ночным дождем улицам. Шофер Толян – рыхлый толстячок, имеющий отношение к торгово-закупочной конторе Качурина – добродушно бурчал, жалуясь Борису на производственные неурядицы, на контры с «азерботами», на засилье последних, на то, что если так будет продолжаться, то лет через пятьдесят Сибирь полностью заселят рослые китайцы, говорящие по-английски с азербайджанским акцентом. Прослушал по радио прогноз погоды на новый день, замурлыкал на мотив популярной песенки: «Я синоптикам ни разу не верю, скажут „жарко“ – будет дождь морозящий...»

Взбираться на балкон, к великому облегчению, не пришлось. Толян по совместительству был талантливым взломщиком. Вникнув в проблему, сказал «щас сделаем, мужики», подобрал с пола оброненную какой-то растеряхой шпильку и начал ковыряться в замке, делая паузы и вслушиваясь – словно врач, который вслушивается в работу сердца больного. И через несколько минут с торжествующим видом распахнул железную дверь, пробормотав: «Милости просим, хозяева дорогие». Напоил их чаем, а когда гости ушли, остро почувствовал одиночество. Бродил по пыльной квартире, в которой не был несколько суток, запинался о торчащие предметы, узнавал и не узнавал окружающую обстановку. Вещи Жанны в небольшом количестве оставались на месте, но это говорило лишь о том, что у Жанны не десять рук. Постоял под душем, смывая с себя больничный смрад. Побрился, отыскал в серванте старый сотовый телефон с запасной «симкой». С удивлением обнаружил, что паспорт на месте – видимо, утром 23 мая он не взял его с собой, и это не могло не радовать. Немножко денег – уцелевших от выданных при расчете...

Уснул, свернувшись на диване, приказав внутреннему будильнику разбудить его через час. Штирлиц не удался: проснулся только через час сорок и поймал за хвост улетающую мысль. Компания, решившая от него избавиться, может и не знать, что он уже дома (а может и знать). Но обязательно узнает – это дело нескольких часов. Он подошел к окну, отогнул шторку. Фасадная сторона дома выходила на оживленную магистраль. Город уже проснулся. Автостоянка напротив банка была забита машинами. Блондинка на розовой «Карине» элегантно припарковалась в узкую щель между джипами, разнеся одному зеркало, другому дверцу. Хозяин первого наезжал, красочно работая пальцами, второй прибежал на заунывный вой сигнализации, схватился за голову, подсчитывая потери. На какой козе седан? Одна знакомая Вадима купила японскую машину и в страхе ездил, не снимая ручника – на всякий случай, другая не знала, где в машине находятся права, третья была глубоко убеждена, что если едет прямо, то едет по главной дороге. Но это более щадящие варианты...

Заверещало в прихожей. Вадим вздрогнул. Куда бежать? Насилу обуздал панику, подкрался к двери. В квартиру тропическим ураганом ворвался коммерсант Качурин, сунул нос на кухню, пошатался по комнатам и, хмыкнув, сделал вывод:

– Хорошо у тебя тут. Тихо.

– Можешь пожить, – пожал плечами Вадим.

– Нет, – помотал головой коммерсант. – Надоело, поеду за границу. Хочу испытать ностальгию. Чаем напои, может, подobreю.

Позабыв разуться, промаршировал на кухню, оседлал табурет и вопросительно уставился на соседа.

– Борис поведал, что с тобой в больнице произошла неприятность?

– Гости были, – неохотно кивнул Вадим. – Так что расслабься, Димон. По мою душу приходил злодей.

– Утешает, – подумав, допустил Качурин. – Хотя и не факт, что меня тоже не заказали. Получена информация, что от меня собираются избавиться. Так что наши киллеры скоро будут на пару высидывать в подъезде. А я, в отличие от тебя, невезучий...

Вадим засмеялся.

– Если вы вчера застраховались, а сегодня вас сбила машина, это еще не значит, что вы везучий.

– Вроде того, – согласился Качурин. – Держи, – он выдернул из пистончика визитку и ручку, что-то размашисто написал на обороте. – Мой номер сотового – звони хоть на северный полюс, поболтаем. А это телефон Бориса – я парня предупредил, можешь на него рассчитывать. Он пацан, в принципе, головастый, хотя и несколько приторможенный, ты, наверное, заметил. Понадобится больше людей – договаривайся через меня, устроим. Я не понял, – Качурин совсем расстроился. – Ты еще не колдуешь над кофеваркой? У меня самолет, между прочим, через три часа...

С каким огромным удовольствием он прыгнул бы сейчас на борт и улетел в неизвестном направлении – в любую братскую или банановую республику. Лето начинается в северном полушарии, и практически в любой его стране, кроме России, зацветает рай на земле. Даже в Канаде с Норвегией. Вот только без денег вряд ли зарубежье встретит его с распростертыми объятиями...

Вадим поднялся на пятый этаж, с любопытством воззрившись на чердачный люк, с которого анонимные хулиганы сорвали замок и петлю. Задача облегчалась – ломать уже не надо. Он добрался по шаткой лестнице до крышки люка, отшвырнул ее в сумрак чердака, отмахнулся от бдительной старушки, которая тут же высунула нос из своей квартиры. Подтянувшись, вскарабкался на «голубятню». Выбрался на крышу, залитую ярким солнечным светом. Полюбовался на собственную ТВ-антенну, принимающую девятнадцать каналов (вернее, обязанную это делать, но почему-то не делающую). И начал соображать, в какой стороне пожарная лестница, и как до нее добраться, чтобы не упасть.

Было в этом занятии что-то шизоидно-веселое. Он спустился в обросший тополями дворик. Похмельные алканоиды на лавочке ждали манны небесной и с надеждой смотрели на него. Не ангел ли спускается с небес, чтобы одарить разведенным техническим спиртом? Одинокая мама с младенцем, задумчиво оценила мускулистость и прочую физическую развитость начинающего альпиниста. Нелегкая женская доля – нет секса в жизни... Осторожная и злая дворовая собака глухо ворчала из-под детской карусели – имела, видимо, отрицательный опыт необдуманных поступков.

Он свалился на какую-то клумбу, пробился сквозь кленовую поросль и, отряхивая с колен налипший гербарий, свернул за угол...

Вскоре он сидел в кафе с видом на стройку и звонил Роману Переведенцеву. Судя по голосу отозвавшегося на восьмом гудке абонента, день работника аналитического отдела не был напоен трудами.

- Ты где? – удивленно спросил Вадим.

- В запое, – слабым голосом отозвался бывший коллега.

Вадим помедлил.

- Не торопись оттуда выходить, здесь нет ничего хорошего.

- Скоро выйду, Вадим. Топливо кончается.

– А что-то случилось? – не понял Вадим.

– Да как тебе объяснить... – коллега пьяно завздыхал, скрипнул какой-то предмет мебели.

– Объясни уж как-нибудь. Можешь объяснить на абстрактном примере, – разрешил Вадим.

– Да какие уж тут абстрактные примеры! – разозлился приятель, которого он не видел уже несколько недель (отмечали день связи, и Ромка хвастался наутро, что отметили славно – завел две новые связи). – Очень худо и очень бедно, понимаешь, Вадим? Ты уволился – совсем житья не стало. Новый зам Григория Ильича – Харламов оказался натуральной сволочью!

– А был такой приветливый, – удивился Вадим.

– Какая разница? Козел с крыльями – все равно козел! Началась грызня, затравил Леночку Пушкарскую, притащил своих программистов, порядки аракчеевские навязывает. Выяснилось, что этот слизняк какой-то дальний родственник Тимофеевой – директрисы «Радуги», чем и пользуется. Григорий Ильич молчит, ему бы до пенсии на бреющем режиме дотянуть...

– Тебя уволили, – догадался Вадим.

– Помянул Харламова тихим словом, – не стал возражать Ромка. – Все свои сидели, а кто-то донес. Вызвал, обругал – я ему и добавил. Написал по собственному желанию, хлопнул дверью. Выйду из запоя, буду новую работу искать.

– Не придумал, куда пойдешь?

Роман внезапно рассмеялся.

– Предложили на днях... Имеется в нашем городе на улице Плахотного некое агентство по предоставлению информационных и социально-бытовых услуг. Штат расширился, теперь они подумывают над созданием информационной базы и, в некотором роде, службы безопасности. Заведует безобразием некий

профессор Комиссаров – ну, это он себя называет профессором, а вообще-то у него квартира подо мной. Агентство – это его детище, дурь обуяла приличного человека на старости лет, а есть еще и другое слово – похожее на «заём», только последняя – «б»...

– Расшифруй, – перебил Вадим. – Что такое предоставление информационных и социально-бытовых услуг?

– Потомственные сибирские колдуны, ясновидцы, чистка кармы, астральные сущности и избавление от барабашек. Все услуги магии, приворот навсегда, гарантия, – исчерпывающе ответил Ромка.

– Тьфу, – сказал Вадим. – С чем тебя и поздравляю. Впрочем, нам, татарам, лишь бы за чистую монету... – «Интересно, а не требуются им внештатные ясновидцы?» – внезапно подумал Вадим и почувствовал, как в горле образуется ком.

– Могу и о тебе похлопотать, – щедро предложил Ромка. – Слушай, – внезапно вспомнил он, – а у тебя-то как дела? Мы же с тобой целую вечность не виделись. С того самого дня связи...

– У меня неприятности, – усмехнувшись, лаконично объяснил Вадим. – Да и сущность астральная привязалась... Переночевать пустишь, если заявлюсь в темное время? Или ты ночами по сексу?

– Ага, вручную, – подыграл Роман. – Жанна из дома выгнала? Приходи, конечно, о чем речь? Пузырек только не забудь...

Он отключился, проверил оставшиеся на счету деньги, погрузился в раздумья. Ромка Переведенцев – замечательный парень. По призванию технарь – из любой железки, оказавшейся под рукой, сварганит требуемый элемент – хоть подозрную трубу, хоть детекторное устройство. В остальных областях тоже не профан, умеет отличать интермедию от интерлюдии, и гипотезу от гипотенузы. В семейной жизни счастья не испытал. Безграмотная блондинка, на которой он имел глупость жениться, долго не могла поверить, что дети появляются не из шляпы фокусника. И Ромка не был готовым к курсу молодого отца. Кричащее чадо перепоручили теще с тестем, живущим в провинциальном городе, блондинка загуляла, куда-то испарилась, а когда Ромка, влекомый

нахлынувшими отцовскими чувствами, отправился к бывшим родственникам за ребенком, на него спустили всю милицию заштатного уезда, и пришлось срочно делать ноги. И вообще, Роман по жизни был скорее невезучим, чем везучим...

Вариант с приятелем он решил приберечь. Не хотелось подставлять бывшего коллегу. Для начала он решил проработать одну не вовремя пришедшую мысль. К пяти часам вечера он сидел на лавочке у проезжей части напротив десятой хирургической больницы и делал вид, что изучает рекламный листок торгово-мошеннического предприятия «Колорадо». Со всех сторон шумел город, изрыгая лязг и характерные запахи. На остановке толпились бюджетники и пенсионеры, поджидая муниципальный троллейбус. У памятника неизвестному водопроводчику, с существованием коего город был вынужден мириться уже второй год (в каждом городе свои Церетели), фотографировались неразумные японцы. Конец рабочего дня, из ворот больницы, являющейся попутно крупным исследовательским центром, выходили люди. Выплыла медсестра Елизавета Павловна в симпатичной кофточке (Вадим напрягся, прикрылся газеткой), девушка постояла посреди аллеи, надеясь кого-то высмотреть, вздохнула, сделала грустную мордашку и медленно слилась с людским потоком. Возникло мощное желание подбежать к ней и немедленно выполнить всё, что обещал. Он впился мертвой хваткой в лавочку, обуздывая страсти. Справа от здания располагалась парковка для персонала, куда и завернула Елизавета. Через минуту она выехала на выдавшей виды белой «шестерке» и исчезла в суете большого города. Вадима охватило беспокойство – если неимущие медсестры приезжают на работу на собственных колесах, то что говорить о заведующих целыми отделениями?

Он нашел в кармане визитку, оставленную Качуриным, отстучал номер. Кто мешает воспользоваться услугами? Человек на зарплате, возмущаться не будет...

Галина Юрьевна вышла из ворот без четверти шесть – Вадим вспотел от волнения. Скатал газетку в трубочку, поднялся. С женщиной за сутки произошла разительная перемена. Это был другой человек – если раньше он сомневался, то теперь ее виновность чувствовал нутром. Моложавость испарилась – вместе с женственностью и стремлением нравиться. Она была разозлена, хмура, подавлена. Прическа съехала набок, но она этого не замечала. Вышла из ворот, остановилась – словно слабовидящая перед незримой опасностью. Полезла в сумку, достала телефон. Вадим подходил бочком, спрятавшись за спиной нежно сомкнувшей ладони парочки. Она скользнула по нему взглядом, нахмурилась,

поймав неприятный импульс из подсознания. Вспомнить не должна, трудно соотнести нормально одетого мужчину с лохматым пациентом в простыне, который присутствовал при допросе и не вымолвил ни слова. Кто-то толкнул ее, Галина Юрьевна спохватилась, прижала к груди сумочку, засемила к парковке. Вадим обогнул парочку, и когда женщина прижала телефон к уху, почти поравнялся.

– Это я, – угрюмо вымолвила женщина. – Вы хотели встретиться? – выслушала, помялась. – Хорошо, через полчаса я там буду. Надеюсь, мне не придется делать заказ?

Кажется, у нее была аллергия на неприятных собеседников. Напряженное лицо покрылось пунцовыми пятнами. Грудь вздымалась – еще немного, и она бы начала задыхаться. Знакомый аллерголог рассказывал невероятный случай: в далекой Канаде у молодой девушки была аллергия на арахисовое масло; парень за пару часов до свидания скушал бутерброд, обильно сдобренный этой гадостью, поцеловал девушку, после чего она мгновенно скончалась от анафилактического шока. Галине Юрьевне, впрочем, столь анекдотичная смерть не грозила. Она швырнула телефон в сумочку и зашагала на парковку. «Опоздал», – с грустью подумал Вадим. Серебристая «Хонда» размашисто вписалась в поворот, подрезав неторопливо коптящий «Москвич», и помчалась к перекрестку, где горел красный. Он выбежал на дорогу с протянутой рукой, едва не став жертвой дорожно-транспортного происшествия. Тормоза у бежевой «Корсы», по счастью, были хорошо отлажены.

– Рановато прощаетесь с жизнью, Вадим Сергеевич, – высунулась из окна украшенная черными очками физиономия Бориса. – Будем глазки строить? Или поедем?

– А вот сейчас ты, парень, успел к самой раздаче, – похвалил Вадим, прыгая в машину. – Цепляйся к серебристой «Хонде», и давай договоримся, что ты не будешь задавать лишних вопросов...

Этот парень, отваленный от щедрот свалившим за кордон Качуриным, все же был какой-то странный. Не сказать, что полная бестолочь, но с тормозами, как и у машины, полный порядок. Такое ощущение, что он только покурил, но не сигарету. Ухмылялся под нос, вел машину медленно, словно совершенно не умел этого делать, умудряясь при этом никуда не влипнуть. Сбоку было видно, как под левым глазом у Бориса никак не проходит синячище, усиленный

заштопанной царапиной.

- Брился, - пояснил он, чувствуя, что Вадим хочет спросить, но не решается. Вадим пожал плечами. Лично его ответ устраивал. «Хонда» вышла на кольцевую, примостилась в правый ряд. Плотное движение не позволяло встать ближе, до Ордынской было четыре машины. Но Борис удивил - пропустил чадящий фургон и, врубив звуковой сигнал, вклинился между его кормой и перепуганным «жигуленком». «Корсу» тоже вынесло на правую полосу, при этом никто почему-то не пострадал.

- Бедовый ты парень, - пробормотал Вадим, не заметив, как повернули в примыкающий переулок. А когда опомнился, было поздно, магистраль отъехала, они прыгали по колдобинам.

- Ты куда?! - завопил он. - Потеряем фигурантку!

- Не потеряем, - замотал головой Борис. - Она с кольца уйдет только вправо - разве что по воздуху перескочит. Догоним, перегоним, как два пальца. Не волнуйтесь, Вадим Сергеевич, клювом не прощелкаем.

- Ты просто заражаешь меня оптимизмом, - выдохнул Вадим, смахивая пот со лба. - Смотри, Борис, тест на профпригодность можешь не пройти. Прокатишь меня - пожалуйсь Качурину.

Еще одна тесная подворотня, переулок, забитый контейнерами, «Корса» выпрыгнула на главный городской проспект, к началу лета косметически отремонтированный и покрашенный. Помпезный сталинский ампир, «карманы» парковок, забитые иномарками, сверкающие витрины магазинов, рестораны, в которых вкусно питаются богатейшие слои населения. Постриженная аллея посреди проспекта - место, мало приспособленное для отдыха трудящихся и традиционно используемое жрицами любви для «развода на работы», самые нетерпеливые уже слонялись между лавочками, поджидая клиентов.

- Мужчинам на заметку, - развеселился Борис. - Стоят, родимые. Были бы бумажки - будут и милашки. А вон ту я знаю, - он ткнул пальцем в стайку «легкомысленных» девиц, непонятно кого имея в виду, - Шурка Свищева, в одном классе обучались. Скромница была - невозможная. Прилежная, порядочная. В музыкальной школе училась - по классу скрипки. По разным

конкурсам моталась – мама с папой нарадоваться не могли. До тридцати в девках сидела. Потом ребенка от святого духа родила. Потом сломалось в ней что-то, и вот, пожалуйста, всем желающим теперь делает... менуэт, – Борис захохотал, довольный шуткой.

Вадим вертел головой, высматривая «Хонду». Неужели потеряли?

– Сзади она, – буркнул Борис. – За троллейбусом. Тормозить собирается.

Он въехал в карман, откуда буквально перед их носом вывалился пацанячий внедорожник, заглушил мотор. Вадим облегченно перевел дыхание. Контакт с объектом не утерян. Но у Галины Юрьевны с парковкой обстояло сложнее. Щель, куда она собралась, оказалась чересчур узка. Пришлось проехать дальше. Она медленно тащилась мимо уставленных перед рестораном «Созвездие Скорпиона» иномарок, не знала, куда приткнуться. Пришлось заехать в переулок, втиснуть машину между мусорными баками на груде какого-то бомжачьего тряпья. Не позавидуешь российским богатеям. Стоит ли покупать за много долларов хорошую машину, чтобы потом искать, за какой помойкой ее поставить? Дама вышла из машины – она уже справилась с собой, опять была эффектна, прическа на месте. Покачивая бедрами, поплыла на проспект, процокала по мостовой, скрылась за прозрачными дверьми «Созвездия Скорпиона». Швейцар не первой свежести склонился в уважительном поклоне. Так приветствуют постоянных посетителей. «Любопытно – думал Вадим, волочась за дамой, – на кого я сегодня похож – на плейбоя или плебея?»

Швейцар не стал расходовать физических усилий, одарил входящего пустым взглядом, отвернулся. Вадим проследовал по вестибюлю с бронзовыми канделябрами, сунулся в зал, там царил умеренный полумрак, и очень вкусно пахло. Зал полупуст, что и правильно, еще не поздний вечер. Взыскательная публика поглощала заморские кушанья. Толстяк в прикиде от Армани аппетитно стучал ложкой, сметая суп. «Мамочка! – вспомнился анекдот. – Наш суп стал еще вкуснее! Что ты с ним сделала?» – «Я его сварила, доченька!» Хихикала компания прилично одетых бизнесменов: судя по репликам, отмечали с кровью выцарапанный контракт. Проществовал официант с голубыми галунами, вопросительно уставился на Вадима.

– Проходите, пожалуйста, столики есть.

– Вижу, – буркнул Вадим. – Похоже, я ошибся – это не отдел социального обеспечения Центрального района.

– Собес с обратной стороны здания, – невозмутимо ответил официант и еще раз смерил глазами посетителя.

Вадим отодвинулся за штору, чтобы не смущать рабочий люд. Галина Юрьевна Ордынская лавировала между столиками. Никто не смотрел ей в спину. Здешних буржуев привлекали женщины другого поколения. Человек, позвавший даму на randevу, еще не явился. Она уселась за дальний столик в углу, несколько секунд сидела в оцепенении, вскинула голову, обозрела зал. Вадим почувствовал, как по нему мазнули взглядом. Сердце забило. Дама посуровела, вновь из подсознания явилось что-то настораживающее, но сосредоточиться на человеке за шторой она не догадалась. Выставила сумочку на стол, извлекла косметичку. Официант склонился в любезном поклоне – она подняла голову, произнесла одно слово – служитель смылся.

– За брендингованный контент! – взметнул бокал один из бизнесменов. – И бегом на паровоз, полчаса до поезда!

– И не вздумай намекать проводнице на постель! – захохотал коллега под звон бокалов.

Вадим предпочел ретироваться – через вестибюль, через швейцара с кислой миной. Глоток свежего смога – разительный контраст между кондиционированным интерьером и загаженным городом. Борис с глубокомысленным видом подпирал фонарный столб. В черных очках отражались подтянутые женские ножки, которые он в данный момент рассматривал.

– Ждет, – лаконично объяснил Вадим. – За столиком в дальнем углу. Хорошо бы уточнить, с кем она намерена спариться.

Борис отклеился от столба.

– Вставайте, Вадим Сергеевич, козырное место. А я пойду, уточню.

– Давай, – согласился Вадим. – Тебя она не знает.

Стоять у «козырного» столба, словно баобаб посреди саванны, ему не нравилось. Желудок, раздираемый ресторанными ароматами, требовал пищи. Он добрал до киоска, в котором продавались демократичные чебуреки, жареные на ядовитом масле, приобрел парочку, стал жадно поглощать, не выпуская из вида дверь в ресторан. За время отсутствия Бориса прошли трое – любитель позолоченных сотовых телефонов, двойник Саддама Хусейна в парусиновом костюме, длинношеяя блондинка из анекдота про птичий грипп и куриные мозги. Вывалился взбудораженный Борис, принялся вертеться, как оттопанная муха.

– Здесь я, – подсказал Вадим.

– Докладываю, – отрапортовал помощник. – Ваша пассия сидела в крошечном одиночестве, поглядывала на часы, стала дергаться. Позвонил телефон, она ответила, удивилась – почему, дескать, через задний ход? Позыркала по сторонам, собралась и почесала куда-то в подсобку. Знаете, Вадим Сергеевич, мне кажется, тот человек, что должен был с ней встретиться, сообщил, что за ней следят.

– Пошли, – Вадим швырнул недоеденный чебурек в урну и семимильными шагами направился в обход здания. Нехорошие предчувствия разыгрались с новой силой. А вдруг не поздно?

Но приглашения на вечер ужасов уже разослали. Они свернули за угол, пронеслись мимо закрытого Собеса, далее – во двор. У заднего хода в ресторан стоял открытый фургон – ни водителя, ни грузчиков, рядом с фургоном – груда пустых коробок. Фрагмент двора возмутительно пуст – ни одной живой души; только в стороне, за оградкой, детский смех и щенячий визг. Если Галина Юрьевна вышла из подсобки, ее след еще бы не простыл. Не выходила... Вадим перевел дыхание. Не надо суетиться.

– Минуточку, – придержал его за локоть Борис. – Что-то мне подсказывает, что здесь не совсем ладно. Не оскорбитесь уж войти после меня, Вадим Сергеевич?

Проклятье какое-то. В иное время и двор, и крыльцо, и черный вход были бы забиты народом. Суетились бы грузчики, повара, экспедиторы. Отбросы общества крутились бы у фургона – вдруг какая косточка перепадет? Сегодня,

как по волшебству – никого. Длинный загнутый коридор, заставленный тарой, оттуда – новый поворот: непосредственно в подсобки, кухни, склады. Борис дошагал до поворота... и резко встал. «Черная кошка дорогу перешла, – невесело подумал Вадим. – С пустыми ведрами».

– Мать моя, – буркнул Борис. – Пришли, Вадим Сергеевич, теперь вам точно скучать не придется.

«Не вам, а нам», – подумал Вадим. Проклятый вопрос: что делать, когда никто не виноват? Галина Юрьевна Ордынская возлежала в узком проходе, выставив на обозрение зрелую (теперь уже мертвую) красоту. Убийца подкараулил ее и, не вступая в прения, перерезал горло. Кровь еще не вытекла, в глазах вселенская тоска и зависть к тем, кто жив (значит, поняла, что происходит), вытянутая рука с раскрытой ладонью – словно за последним в жизни подаянием... Чехарда картинок в голове. Кого-то пулей, кого-то подушкой, кого-то вот так, бритвой по горлу... И мысль обидная: этот «резчик по горлу» шел навстречу Галине Юрьевне, сделал дело, двинул дальше – через зал, швейцара, как чувствовал, что двое глупых мужчин побегут в обход. А может, и впрямь чувствовал?

– Полюбуйтесь, Вадим Сергеевич, – Борис присел на корточки, коснулся скомканного халата, зацепившегося за нижнюю коробку. – Этот парень был в робе подсобного рабочего. Умно: если что, не так в глаза бросается, да и кровь опять же может брызнуть...

Бормотание помощника сбивало с мысли. А Борис не мог уговориться – обнюхал покойницу (работал по свежим следам?), склонился над протянутой ладонью.

– Забавно, Вадим Сергеевич, а ведь на ладошке у нее написано, что будет жить долго и счастливо, правда, большой и чистой любви, к сожалению, не встретит. Ох, не верил я никогда в эту долбанную хиромантию... А откуда, думаете, я знаю? Жена однажды увлеклась и в постели перед сексом меня просвещала...

Трудно молчать, когда никто не спрашивает.

– Борис, утихни, – опомнился Вадим. – Подтяни, пожалуйста, ее сумочку и достань телефон...

– Начинается, – посетовал помощник. – Несанкционированный отбор кошельков и сотовых телефон...

– Не нужен мне ее кошелек, – разозлился Вадим. – В телефоне номер, с которого ей последний раз звонили. Если это не убийца, то, по крайней мере, тот, кто этим беспределом распоряжается.

– И то правда, – сообразил Борис, подтягивая сумочку из кожи нильского крокодила (или кого-то на него похожего). Компактная «раскладушка» перекочевала Вадиму в карман.

– А теперь пошли, а то повяжут.

– А в милицию не будем сообщать? – растерялся Борис. – Пойдите, Вадим Сергеевич, это же будет выглядеть... ну, словно мы ее...

– К черту, – зашипел Вадим, хватая безнадёжного тормозилу за рукав. – Если нужно кому-то, нас и так подставят. Разбегаемся, Борис. Машину сразу не уводи, пошатайся по проспекту, а я дворами смоюсь. Понадобисься – позвоню, будь на связи.

– Ну, не знаю даже... – до парня, кажется, дошло, куда он попал. – Извините, Вадим Сергеевич, но насчет трупов с моим боссом уговора не было...

Полемика о вреде опасных связей, впрочем, не затянулась. Где-то хлопнула дверь, раздались женские голоса. Они быстро приближались. Паника ударила в голову. Он толкнул Бориса, чтобы не высидивал, как курица на яйцах. Двусмысленнее положения не придумать. Борис попятился, жар ударил в голову – дошло, даже очки вспыхнули – помчался, топая, как слон, за ним Вадим. Поворот, полутемный «предбанник»...

– Успехов, – он вытолкнул помощника за дверь, сам притормозил, перевел дыхание. Не соваться же с безумной физиономией на люди. «Спокойствие, только спокойствие. Ты никого не встретишь, досчитай до пяти, сделай физию попроще, и вперед...» Досчитать он успел, впрочем, только до двух. Истошный вопль потряс запутанный коридор. С опозданием к воплю примкнул второй, начался сумасшедший кошачий концерт. Он бы тоже с удовольствием заорал. Толкнул дверь, одновременно отступая в темень проема. Пусто у крыльца.

Жилые подъезды в стороне, Собес закрыт, хозяин фуры сгинул. Он натянул на лицо выражение «потустороннего» прохожего, спустился с крыльца, двинул в просвет между кирпичной коробкой (ЖЭК его знает, что это такое) и чахлыми кустами. Уши горели, как у нашкодившего пацана...

Новость о том, что бывший коллега сбежал из больницы, майора милиции не впечатлила. Он лишь пожал плечами, пропуская Вадима в квартиру – мол, эка невидаль, не мужское это дело, валяться по больницам.

– Руки не подам, извини, – пробурчал Никита. – Руки по локоть в крови – курицу разделяваю.

Вадим уже заметил, видок у Никиты Румянцева был не самым презентабельным. Дырявые трико, майка наизнанку, устрашающий нож-пила в мускулистой руке. Проживал майор милиции, как ни странно, в коммуналке – в знаменитом стоквартирном доме облисполкома, возведенном архитектором Крячковым и взявшим Гран-при на Парижской выставке 35-го года. Квартира изначально была на три семьи. Одна из соседок укатила на ПМЖ к Мертвому морю, а ее комнатку Никита и соседка – перезрелая директриса медицинского училища Степанида – напряглись, выкупили и вот уже второй год подыскивали достойный вариант обмена. Прогадать было крайне обидно, квартира в аварийном, пожароопасном крячковском доме стоила невероятных денег.

– Проходи на кухню, – проворчал Никита. – Еду себе готовлю на всю неделю. Не мудохаться же каждый вечер.

Из комнаты соседки доносился разговор на повышенных тонах. Горластая директриса увлеченно общалась с подругой. Подруга хохотала и вставляла живописные комментарии.

– Не обращай внимания, – отмахнулся Никита. – Не могут они иначе. Как разойдутся после красненького – остановить невозможно. Живой анекдот: «А если дамы на минутку замолчат, то можно услышать жуткий рев Ниагарского водопада»... Тебе котятка, кстати, не нужны? – Никита пнул по коробке от импортного телевизора, которая как-то странно заходила ходуном и запищала на разные голоса. – Не уследили за Муськой, добежалась, зараза. Восемь штук принесла, как с куста.

– Спасибо, – поблагодарил Вадим. – За собой-то уследить не могу.

– Жалко, – вздохнул Никита. – С этими ребятами добрее становишься. Красивые, черти, просто сердце узлом сворачивается... Ты знаешь, что древние египтяне, когда находились за границей, купали, не торгуясь, всех попавшихся на глаза кошек и увозили домой. Но где ты нынче возьмешь древнего египтянина? Придется топить.

Никита со злостью вонзил пилу в разлегшуюся на разделочной доске курицу. Всплыло откуда-то в голове: чернобыльские курицы на рынке, а также на гербе и на деньгах.

На коммунальной кухне было голо, грязно и неустроенно. Вадим сидел на рослом табурете и тоскливо смотрел, как приятель кромсает несчастную птицу.

– Представляешь, юмористы, – бухтел Никита. – Спрашиваю у продавщицы: у вас куры свежие? А она мне в ответ, не смущаясь: ага, еще вчера чихали...

– Обрати, пожалуйста, на меня внимание, – перебил Вадим. – Сейчас я расскажу тебе все, что касается известной истории. А также кое-что еще. Но только сначала выслушай, а потом уж решай, кого вызывать – группу захвата или бригаду санитаров. Отдельные места моего монолога тебе уже знакомы, но ты их прослушай заново и постарайся не игнорировать.

Он рассказал буквально все, сбрасывая тяжесть с горба. Противно таскать одному. Про способность лицезреть картинки из невыдуманной жизни – происходящие либо в реальном времени, либо в «записи»; о посетителе больницы, от назойливого внимания которого с трудом удалось избавиться; об убийстве Ордынской, особо заострив момент, что они с Борисом эту даму пальцем не трогали, хотя и стоило бы, поскольку именно она прикончила заслуженного деятеля искусств Белоярского...

Наступила тишина, которую нарушали только вопли жизнерадостных соседок и жужжание комариной самки. Перестали возиться котята в коробке. Из шкафа, заваленного кастрюлями, выбралась бесподобно красивая кошка Муська, стряхнула муку с носа и удивленно уставилась на незваного гостя. Никита молчал, свирепо разглядывая затупленный нож. Самое время на цыпочках удалиться, чтобы не портить оглушительное впечатление.

– Про убийство Ордынской ты, конечно же, не знал, – сделал правильный вывод Вадим.

– Не знал, – Никита покрепче сжал рукоятку и поднял голову. – А теперь послушай Ты меня. Во-первых, никогда и нигде не употребляй в моем присутствии слова «ясновидение, пророчества, предсказания» и им подобные. Могу и прибить.

– Да мне без разницы, – пожал плечами Вадим, – не хочешь – не буду. Возможно, пожар в пустующем крыле был обычным сном. Убийство Белоярского – из той же оперы. Но это был не сон, увы. Не спал я. Женщина вошла и задушила спящего старика.

– О, боже, – взялся за голову Никита. – Помоги мне пережить этот бред. Хорошо, давай поговорим о мистике. В твоей... назовем ее так, короткометражке ты видел бабу с оторванным хлястиком...

– Которую на следующий день скоропостижным образом убивают. Веришь в совпадения?

– Но это твоя версия, – пожал плечами Никита.

– Перестань, – поморщился Вадим. – Заподозрить меня в убийстве может кто угодно, только не ты.

– Кстати, – встrepенулся Никита, – насчет «кого угодно». Ты не дослушал «во-вторых». Единственное, что я допускаю – так это то, что убийства Белоярского и Урбановича связаны между собой. Допускают это и в Федеральной Службе Безопасности, которая сегодня днем отняла у нас оба дела, заявив, что подобные преступления идеально вписываются в специфику их работы. Полагаю, на этом деле кто-то хочет обрести приличные бонусы.

– Федерация Солидных Бизнесменов... – сник Вадим. – Ну что ж, самое время этим призракам явиться из сумрака. Хотя, если честно, реально рассчитывал на то, что искать будут менты, а эти парни – ждать момента, чтобы втиснуться и снять пенки. Ну что ж, любовь не состоялась.

– Отсюда сам понимаешь, – вздохнул Никита, – удовольствия от грызни с федералами – что зятю в теще. Нашу группу от дела отстранили, материалы передали следственной бригаде с Коммунистической, хотя какие там, к дьяволу, материалы... Неприятный осадок, конечно, остался, но мы его мужественно переживем, – Никита замялся, и стало видно, как в человеке просыпается совесть. – Послушай, я знаю, ты сошел с ума, но чисто по-человечески тебя понимаю. Выдумать всю эту галиматью ты не мог. Заблуждаешься, из двух совпадений делаешь грандиозные выводы... но ничего, поможем.

– А две попытки меня прикончить?

Никита кашлянул.

– Ты просто кому-то не понравился. А теперь представь, найдутся свидетели, которые видели вас уходящими с места преступления. Вычислят личности, и, увы, Вадим, не понравитесь вы и федералам. Я помочь не смогу. Чекисты зацепятся, и будет вам очень трудно.

– Пусть попробуют поймать, – усмехнулся Вадим.

– Тьфу, – окончательно расстроился Никита, – так он еще и в бега собрался. Надеешься распутать преступление?

– Хотел, – помялся Вадим, – с вашей, милицейской, помощью. Но с чекистами я по жизни не дружу. Было у меня несколько зацепок, Никита, – Вадим пристально посмотрел на приятеля, Никита покраснел, как гроздь рябины после первых холодов, вздохнул и пробормотал:

– Выкладывай.

– Персонал ресторана, швейцар, кто-то из сидящих в зале могли видеть убийцу, который скрылся через парадный вход, бросив в подсобке робу грузчика. Утверждение шаткое, но если потрясти весь персонал, то кто-нибудь да вспомнит. И второе, – Вадим извлек из кармана серебристый телефон, демонстративно протер его грязным кухонным полотенцем, чтобы не остались отпечатки пальцев, и подтолкнул Никите. – Тоже любопытная вещица. Убийце не пришло в голову забрать его с собой. А может, устроители акции элементарную ситуацию не просчитали. Проруха на старуху. Я тоже, знаешь ли, временами

теряюсь, когда дело касается современных технических штук.

- Короче можешь? - процедил Никита.

- Два последних вызова - с одного и того же номера. Номер федеральный, сотовый, ни о чем не говорит, и мне узнать его обладателя, увы, не по зубам. В отличие от некоторых штатских... в погонах. За последние сорок минут из жизни женщины ей позвонили, по меньшей мере, дважды. Первый звонок - назначили встречу в «Созвездии Скорпиона». Второй - забеспокоились, выяснив, что Ордынскую пасут, и приказали уйти из ресторана черным ходом, где уже материализовался таинственный душегубец. Делай выводы.

Никита опасливо придвинул к себе телефон. Жалобно посмотрел на Вадима.

- Тебе-то какой с этой беды навар?

- Жить хочу, - начал загибать пальцы Вадим. - Любопытство. Жажда справедливости. Ненависть к губителям человеческих жизней. Этого мало?

- Ты мне тут совесть не прессуй, - возмутился Никита. - Сам отлично знаешь, что я человек подневольный и пашу по шестнадцать часов в сутки. Заниматься этим делом в свободное от работы время?.. Не по-ментовски как-то. А влезу официальным образом - будет столько вони... Но я тебе сочувствую, Вадим. Благодаря нашей встрече в пивном баре ты попал в беду. Слушай, бедолага, - глаза майора вспыхнули. - У моего приятеля пустует дача в Кошарах, 120 километров от города - ни одна сволочь не достанет. Раньше теща его туда ездила, а тут скоропостижно скончалась, и на небесах у нее теперь другая дача. Хочешь, договорюсь? Отсидишься пару недель, порыбачишь...

- Я подумаю, - уклончиво отозвался Вадим. - А пока у меня к тебе большая просьба. Адресочек особняка Белоярского, где он проживал с внучкой. Пробей, пожалуйста.

- Понравилась? - прищурился Никита.

- Разберемся, - улыбнулся Вадим. - Так пробьешь?

– Не надо пробивать. Приморская, 36, за Речкуновкой, спросишь у любого аборигена. Не лез бы ты в это дерьмо, Вадим? Перейдешь дорогу чекистам – мало не покажется. А интерес у них к истории, я чувствую, превеликий. Боюсь задумываться, почему.

– Не допускаешь, что дело касается угрозы национальной безопасности?

– А что такое угроза национальной безопасности? – сплюнул на пол и растер Никита. – У каждой головы свои понятия. Незаконный бизнес пробирается даже в мир искусства. А Конституцию, как известно, на хлеб не намажешь, нужны устойчивые выгодные связи с разными структурами...

Не нужно становиться телепатом, чтобы понять, что творилось на душе у Никиты. Он был порядочным ментом и неплохим человеком. А то, что Система наложила на товарища жирный отпечаток, так на кого не наложила?

– Спасибо, Никита, что выслушал, – улыбнулся Вадим. – Заест совесть – помоги. И окажи, будь добр, услугу, которая ничего тебе не стоит. Не надо никому рассказывать, что я сюда приходил, что скорбел над телом Ордынской, да и все эти мои фантазии... о видениях, вычислении убийцы по хлястику... А насчет последнего, Никита, можешь не сомневаться, Белоярского замочила Ордынская. Пусть это будет твоим маленьким козырем против неверующего человечества.

Он слез с колченого табурета, потянулся к двери.

– Хорошо, – вымолвил в спину Никита. – Никому не скажу... если возьмешь котенка. Seriously, Вадим, посмотри, какие чудные. Жалко же, ей-богу. Степанида заявила, что если до завтра не пристроим, всех утопит...

Кто бы сомневался в решительных намерениях директрисы. Сердце сжалось, когда Вадим посмотрел на коробку, в которой опять что-то завозилось. Лучше бы не смотрел. Вздохнув, он сел на корточки, приоткрыл коробку. Заворошился клубок – серые, бурые, пегие зверята потянулись доверчивыми мордашками. Пушистые и беззащитные. Расстаралась красавица Муська. Он выбрал голубоглазого котенка, с переливчатым мехом. Тот первым вскарабкался к нему на ладошку, вцепился мягкими лапками – дескать, забери отсюда, дяденька, пропаду ведь... Добродушно ухмыляясь, он определил половую принадлежность приобретения, мысленно обозвал его Тошкой, сунул в карман ветровки.

– Монетку гони, – подобрев, пробормотал Никита. – Вроде так положено – копеечку там, или десять. Лучше, конечно, десять рублей...

Ту же сумму попросил у него в двенадцать ночи трясущийся юнец, пораженный угревой болезнью. Он шел проходными дворами, решив, что так короче, позабыв, что короткие пути очень часто приводят не туда. Компания обосновалась у подъезда, под тусклой лампой, выдирающей клочок белесого света из жирной темени. Четверо подростков – то ли в ломке, то ли похмельные, жутко заторможенные – такие неоперившиеся, можно только диву даваться, куда же смотрит семья и школа. Унылые, больные, квелые, и не сказать, что задницы истосковались по приключениям. Он ответил, не тормозя, что десяти рублей у него нет, хотел прочесть душевное нравоучение, что в позднее время детям лучше спать, но предпочел отделаться молчанием. В каждом поколении свои развлечения. Нынешние дубасятся дешевыми наркотиками (потому что мамка с папкой на дорогие не дают) и мрут, как мухи. Вадим в пятнадцать лет курнул разок, пожал плечами и отправился пить пиво, даже мысли не допуская, что оно, возможно, вредит его здоровью. В шестнадцать понял, что жизнь угаром не ограничивается, учинил в клубном подвале рок-группу, которая пафосно завывала ночами на луну, в семнадцать открыл, что в мире существуют девочки, в восемнадцать – что нужно зарабатывать на хлеб...

– А сколько есть? – осведомился подросток. – Тысяча есть?

– Да иди ты баиньки, карапуз, – не выдержал Вадим.

Такое заявление всколыхнуло серое болото бездействия. Кто-то закричал, что эти прохожие совсем обнаглели, другой выразил мнение, что грубых дядек надо учить, третий выразил уверенность, что у дядьки полные карманы бабла, поскольку глаз у него – рентген. В общем, до следующей лампочки Вадим не дотянул. Догнали. Он, в принципе, не прочь был размяться, но с таким контингентом... Того, кто бросился к нему с перочинным ножиком, он увел в сторону, хлопнул по ушам, чтобы отдохнул. Остальных просто разбросал – довольно бережно.

– А сейчас мы посмотрим, чем у вас брюхи набиты, – произнес он угрожающим тоном, и подростки, твердо убежденные, что нарвались на Джека Потрошителя, с криками убежали. Не самый безотказный метод. Менее кровавое решение проблемы подростковых банд предложил один английский коммерсант и

электронщик. Надоело ему, что агрессивные тинэйджеры шатаются вокруг его магазина, и придумал прибор, испускающий ультразвук, неприятный ушам подростков. Повесил коробочку под крышей, вставил батарейку. Пацаны этот писк терпеть не могут, затыкают уши, убегают. А взрослым – до лампочки, их способность воспринимать звуки определенной частоты давно утрачена. Гениально и со вкусом. Лично Вадим бы с удовольствием купил такой «фумитокс», появившись он в свободной продаже...

Прилива сил после разминки он не почувствовал. Напротив, удалившись от фонаря, испытал нахлынувшую панику, усилилось потоотделение, участился пульс. Причин для страха не было, но что-то, видимо, переключилось в организме с наступлением темного времени суток. «Ты теперь как оборотень, – думал он, утирая испарину. – Ночами превращаешься в „другого“. Не пора ли учиться контролировать эти метели?» Он вышел на пустую улицу, опустил на первую попавшуюся скамейку. Но страх не проходил, давил на виски. Что там прописывают маниакально-депрессивным психозникам при навязчивых страхах? «Ксанакс» – мощное оружие, бьющее точно в цель?..

Возможно, он принял на себя страхи наркоманов. Или людей, живущих в доме и не сумевших отгородиться от своих проблем барьером сна. Отчетливых картинок в голове не было. Разноцветная круговерть и стойкий готический страх, оседлавший мозг. «Не пора ли выпить? – ухватился он за спасительную мысль...»

– Молодец, – сказал Ромка Переведенцев, когда он с поллитрой наперевес вторгся в квартиру. Девушек по понятным причинам в однокомнатной хрущевке не было. Заявиться в пропитанный алкоголем и тоскливым мужским одиночеством вертеп могла лишь очень падшая женщина. А с подобными особами Ромка дружбу не водил, предпочитая женщин серьезных и порядочных. По причине нехватки горючего он уже протрезвел, скис, поэтому подарок, который тут же переключился в морозилку, пришелся ко двору. На кухне приглушенно бормотал холодильник, что-то билось в тесной печурке.

– Не Лазо, не бойся, – Ромка скабрено ухмыльнулся в ответ на немой вопрос и восклицательный взгляд. – Будешь удивляться, но я не только пью, но и ем. Кто-то обещал прийти в гости, вот я и набрался мужества запечь картошку.

Вадим удивленно посмотрел на часы – половина первого ночи. Окружающая обстановка посильнее, чем у Никиты. С потолка стекает отслоившаяся штукатурка. Пол отдельными местами устремляется к потолку. Из крана

перманентно и раздражающе капает. Вадим порылся в холодильнике, нашел литровый тетрапак с молоком, последовательно прошедший все «производственные» стадии: кефир, ряженка, простокваша, кислая закваска – слил в чашку, вынул из кармана котенка и стал смотреть, будет ли тот есть. Котенок не капризничал – видно, в коробке из-под телевизора пища тоже не отличалась изысканностью.

– А с кем это ты? – не понял Ромка.

– С другом, – пояснил Вадим.

– А я тогда кто?

– А ты алкоголик.

– Я алкоголик? – возмутился Ромка. – Да я даже не пьяница! Это мой первый в жизни загул! Впрочем, правильно, что напомнил, – он с грохотом выгрузил из холодильника свежую водку имени президента РФ, принялся метать стаканы, сунулся в печку, отскочил, как ошпаренный, и начал интеллигентно ругаться. Потом он впал в прострацию, втиснулся, сжав плечи, между холодильником и бабушкиным буфетом, смотрел дикими глазами, как Вадим разливает по стаканам прозрачную смерть. Выпив, ожил, гордо расправил плечи, пошатнув трухлявый буфет.

– Последний загул, – объявил ломающимся голосом, – клянусь памятью предков и нерожденных детей. Послезавтра выхожу на работу – я уже договорился с профессором Комиссаровым. Должен быть как огурец, суров, отглажен и производить умопомрачительное впечатление.

– Спиритический салон? – усмехнулся Вадим.

– Есть там и такой, – не обиделся Ромка. – А вообще-то контора называется... впрочем, я уже говорил. Головной офис на Плахотного, недалеко от Ленинского базара, и пять филиалов по бескрайнему городу. В мою задачу входит организация охраны и видеонаблюдения. А то, представь, такой возмутительный случай – в один из филиалов на днях ворвался сумасшедший, которого якобы надурили при чистке кармы, и разнес вдребезги хрустальный шар, усиливающий авторитет руководителя филиала и стоящий почти что двадцать тысяч рублей!

- И ты веришь в эту галиматью?

- Я всего лишь соответствую, - гордо сказал Ромка. - Точнее, собираюсь соответствовать. А верю только в то, что зарплата будет на шесть тысяч выше, чем в «Радуге». Может быть, даже женюсь... - Ромка мечтательно уставился в засиженный домашними насекомыми потолок. Поразмыслив, Вадим пришел к выводу, что второй стакан в данной ситуации приятеля не испортит и налил водки.

- Невкусная водка, - нагло заявил Ромка, занюхивая хлебным мякишем.

- А зачем тогда пьешь? - обиделся Вадим.

- С горя.

- С какого еще горя?

- Так водка же невкусная, - Ромка засмеялся.

Перевернув стакан, он начал доводить до слушателя пережитую историю, от тоски ли дремучей или громадного желания не быть одиноким в своем несчастье. У Никиты - все понятно, он рассчитывал на помощь. А перед Ромкой? Разве может этот славный, но затурканный паренек предложить дельное решение? Котенок Тошка, налакавшись молочной «закваски», старательно помылся, сделал лужу у Ромки под ногами, перебрался к Вадиму на колени и тоже стал слушать. Капли дождя барабанили по стеклу - полилась вода с небес. Ромка стартовую часть слушал рассеянно, но внезапно заинтересовался, отодвинул стакан. Когда Вадим добрался до посягательств на свою жизнь, зацокал языком, впадая в катарсис. Когда дошел до смертоубийства Галины Юрьевны Ордынской, скривился так, словно убивали лично его.

- Слушай, - сказал он восхищенно, причем совершенно неясно было, иронизирует или нет, - я слышал, что так бывает - трахнут человека хорошенько по голове - и он становится либо гением, либо открывает в себе нечто новенькое и неизведанное. Зачастую, конечно, дураком становится. Слушай, - Ромка приподнялся над столом, красный от возбуждения. - А как это - видеть то, что происходит в одном месте - находясь при этом в совершенно другом? Наверное,

голова сильно болит? От образов не протолкнуться?

Жилка детоубийцы в нем пока еще дремала. Но двинуть собеседнику по черепу он был уже настроен.

- Что-то я не пойму, - сдвинул брови Вадим. - Ты мне веришь или...

- Самое интересное, - внезапно поменялся в лице Ромка, - да, я тебе верю, сочувствую и даже соболезнаю, поскольку втянуло тебя в игру, где победителей определяют не с помощью SMS-голосования. Ясновидение существует, а также колдовство, телекинез и телепатия. Спорить глупо, ибо дыма без огня не бывает. Масса мошенников, лжепророков, жуликов, просто ловкачей - это одно. Настоящие специалисты, которых днем с огнем не сыщешь - это другое. На семьдесят процентов это чистая наука! Почему животные чувствуют землетрясения? Змеи в массовых количествах выползают из нор, собаки нервничают? Знаменитое землетрясение в Ашхабаде - за несколько часов до катастрофы старейшины-туркмены пришли к первому секретарю обкома, заявив, что змеи выбрались на поверхность - будет разрушительное землетрясение. Не поверил... Специалисты видят события, происходящие на обратной стороне земли. Усилием мысли попадают в нужную точку прошедшего времени и почти не ошибаются с координатами. Василий Блаженный - тот самый, имени собора - в юности трудился подмастерьем в сапожной мастерской. Пришел дотошный клиент и долго объяснял, какие хотел бы видеть на себе сапоги. Насилу выпроводили, а Васька в хохот - на кой ляд этому парню сапоги, если на днях он умрет? Действительно, умер... Детей вводили в транс, они смотрели на воду и говорили, что видят. А видели именно то, что нужно... Именитый гипнотизер по фамилии Богомыслов тоже вводил людей в транс и наделял их личностью человека, связанного с ними генетически. Усыпил мужчину, внушив, что он - собственный дед, без вести пропавший под Москвой осенью сорок первого, и вся аудитория обомлела от изумления, узнав подробности «пропажи». Никакой подставы! Полночи человек во сне рассказывал такие вещи, о существовании которых в своей «основной» жизни даже не подозревал! Окопные будни, бомбежки, атаки немцев, неделя в госпитале, снова бой, когда передвижная медсанчасть попала в засаду, и немецкие «фердинанды» утюжили полторки с ранеными... Кстати, мой будущий работодатель Комиссаров считает себя последователем Богомыслова и утверждает, что уже дважды проводил подобные опыты...

Тут Ромка резко замолчал, словно заслонку вонзили в дымоход, сделал до невозможности задумчивое лицо и начал яростно расчесывать голую коленку. «Осенило», – сообразил Вадим. И у него в голове шевельнулась незаконченная мысль, похожая на бред сивой кобылы.

– Есть, – сказал Ромка, отвергая задумчивость. Соорудил робкую улыбочку, – Допустим, вдова Урбановича к похоронам не сошла с ума и в ее несвязном бреде есть рациональное зерно. Лето сорок пятого, окрестности германской столицы, небольшая войсковая часть стоит гарнизоном в деревеньке. В это время там что-то происходит. Оба убийства – Урбановича и Белоярского, невзирая на манеру исполнения, схожи. Да и сами престарелые парни, что ни говори, пара. Можно с хорошей долей уверенности допустить, что они не только были знакомы по жизни, но в далекие сороковые годы вместе топтали поля сражений. Как тебе идея?

– Продолжай, – разрешил Вадим. Все сказанное Романом он уже вторые сутки перекачивал в голове.

– Но ты же понял! – воскликнул Ромка. – По глазам вижу! – тут он понизил голос до полусшепота, – давай я предложу Комиссарову провести эксперимент? Заодно проверим, насколько он выдающийся специалист в области бреда. Если сразу откажется – значит, специалист сомнительный. А вдруг получится? Деньги платить не будем – не всегда же ему работать за деньги! Можно и бесплатно – за благое дело, чисто по-соседски. Не думаю, что он откажется.

– А кого ты предлагаешь в подопытные? – разыгрывал недогадливость Вадим.

– Внучку Белоярского, дуралей, – шипел Ромка. – Кто говорил, что она проживала вместе с дедом, жутко расстроилась, когда того прикончили? Неужели не согласится?

– А как я тебе ее организую? – растерялся Вадим. – Мы даже незнакомы.

– Так познакомься! – обозлился Ромка. – Не мужик, что ли? А мало покажется – переспи, женись, пообещай усыновить всех ее незаконнорожденных детей...

Звучало, как поэма. Ромка умел в определенные моменты алкогольного опьянения быть златоустом. Вадим задумался.

Бутылку в итоге усидели, навалилась дурная усталость. Тупое, безразличное состояние. Этой ночью он спал на кухне, в компании домашних насекомых. Ромка притащил резиновый матрас, надул, заткнул огрызком карандаша и сообщил, что на пару часов хватит. Потом нужно встать, накачать заново. Вместить матрас на пятиметровой кухне удалось по диагонали – между батареей и плитой. Вадим лежал, рассматривая в форточку клочок безоблачного неба, думал о том, что трудности только начинаются. В перспективе маячили два варианта: разузнать, кто пытался его убить, или раздобыть где-то денег и уехать подальше. Он закрыл глаза, начал настраиваться на волну. Воскресенье, 28 мая, 18–20. Галина Юрьевна, поговорив по телефону, выходит из «Созвездия Скорпиона» через подсобные помещения. Навстречу ей, извилистыми коридорами, движется НЕЧТО. У штабелей порожней тары – встречаются. Возможно, киллер делает вид, что собирается уступить ей дорогу. Женщина ничего не подозревает, ловкое движение рукой с отточенным опасным лезвием... Он дюжину раз проигрывал данную ситуацию, ожидая, что произойдет «включение», и действие начнет развиваться без участия воображения. Но ничего не происходило. Способность видеть прошлое не проявлялась. Вадим вспотел от натуги. Отправлял Ордынскую обратно в зал, давал ей время на передышку, снова представлял, как она идет по коридору, доходит до «алькова», где возвышается тара... Умолял. Ну, давай, кто ты есть, выходи навстречу... Никто не выходил. Ни карлик, ни захудалый призрак. Оставалось только одно, начать мыслить логически. Не мог это быть карлик. Субъект мелкий, но заметный для случайно подвернувшегося работника ресторана. Да и вряд ли карлик натянул серую робу, чтобы не бросаться в глаза – полная чушь. Убийцей вполне мог быть... работник ресторана. Просто замечательная версия. Недаром Ордынскую пригласили именно в «Созвездие Скорпиона» – не она предлагала место встречи. Подготовили человека, который быстренько исполнил задуманное, бросил робу для отвода глаз и... продолжил выполнять свои прямые обязанности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleksandr-vargo/medium>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)